

На бензоколонке только девушки

Автор:

Фэнни Флэгг

На бензоколонке только девушки

Фэнни Флэгг

Миссис Сьюки Пул пережила последнюю из трех свадеб своих дочерей и наконец-то может спокойно вздохнуть и готовиться к путешествию с любимым мужем. Правда, на ее попечении грозная и властная матушка 87 лет от роду. Эта экстравагантная дама не даст заскучать никому и командует своей 60-летней дочерью, как будто той еще 15. Зато для всех прочих старушка само очарование. Но однажды Сьюки обнаруживает совершенно шокирующие сведения о своем рождении, о своей матери и о своих корнях. С этой минуты жизнь семейства Пул переворачивается с ног на голову.

Пытаясь разобраться в тайнах прошлого, Сьюки узнает не только историю собственного происхождения, но и историю отважных женщин-летчиц Второй мировой.

Замечательная рассказчица Фэнни Флэгг вновь дарит читателям удивительную и почти невероятную историю. Двадцатый век в пяти поколениях, от сумрачной предвоенной Польши до томной Алабамы наших дней: героические женщины-летчицы и простые домохозяйки связаны одной судьбой, одной историей.

«На бензоколонке только девушки» – идеальное сочетание комедии, мудрости, печали и незабываемых характеров, словно перекочевавших из шедевра Фэнни Флэгг «Жареные зеленые помидоры».

Фэнни Флэгг

На бензоколонке только девушки

Fannie Flagg

The All-Girl Filling station's Last Reunion

Книга издана при содействии William Morris Endeavor Entertainment и
Литературного агентства Эндрю Нюрнберга

Copyright © 2013 by Willina Lane Productions, Inc.

© Шаши Мартынова, перевод, 2014

© Фантом Пресс, оформление, издание, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)
(<http://www.litres.ru/>)

* * *

Сэму Возну

Пуласки, Висконсин

28 июня 2010 года

Скажи мне кто-нибудь пару лет назад, что я окажусь на этой сходке, ни за что бы не поверила...

Но вот поди ж ты!

Миссис Эрл Пул-мл.

Пролог

Начало

Львов, Польша

1 АПРЕЛЯ 1909 ГОДА

Год 1908-й. Станислав Людвик Юрдабралински, высокий костлявый мальчик четырнадцати лет, смотрел в будущее нерешительно. Жизнь в Польше под русским владычеством была беспросветна и опасна. Польских мужчин и юношей забривали в царскую армию, а католиков и их священников сажали в тюрьму за антирусские настроения, пытаясь таким манером подорвать польское единство. Костелы позакрывали, а отца и троих дядьев Станислава отправили на каторгу за говорливость.

Но старший брат Венцент, сбежавший из Польши пятью годами раньше, поддержал Станислава, и тот добрался до Нью-Йорка – совершенно ни с чем, если не считать скверно скроенного шерстяного костюма, фотографии матери с сестрами и обещанной работы. Ему удалось сесть в товарняк – помог один

польский портовый грузчик, с которым они подружились на корабле.

Через пять дней Станислав прибыл к братнину порогу в Чикаго, восторженный и готовый начать новую жизнь. Ему рассказывали, что в Америке, если много трудиться, получится все, что хочешь.

Необычайная неделя

Пойнт-Клиэр, Алабама

Понедельник, 6 июня 2005 года

76 °F, солнечно

Миссис Эрл Пул-мл., среди друзей и родственников более известная как Сьюки, ехала домой из магазина «ПтицыНам», что на трассе 98, с одним десятифунтовым мешком подсолнечных семечек и одним десятифунтовым – семян для диких птиц, а также с необычным для ее еженедельных закупок последние пятнадцать лет двадцатифунтовым мешком «Смеси подсолнечника и семян для диких птиц “Симпатяга”». С мистером Нэдлшафтом она поделилась беспокойством: ей кажется, что мелкие птицы по-прежнему недоедают. Последнее время каждое утро, стоило ей наполнить кормушки, как большие, воинственные синие сойки налетали сразу и распугивали малышей.

Она заметила, что синие сойки сначала всегда выклевают подсолнечник, и потому назавтра решила засыпать в кормушки на заднем дворе только его, и, пока синие сойки будут им заняты, она пулей обежит дом и наполнит кормушки перед крыльцом смесью. Тогда бедняжкам вьюркам и синицам уже наконец достанется хоть что-то.

Проезжая по мосту через бухту Мобил, она глянула на белые пухлые облака, увидела длинную вереницу летевших над водой пеликанов. Залив сиял под ярким солнцем, его уже испещрили вышедшие в море красные, белые и синие яхты. Несколько рыбаков на мосту помахали ей, она улыбнулась и помахала в

ответ. Почти добравшись до съезда с моста, она вдруг почувствовала некую смутную и необычную радость бытия. И на то были причины.

Несмотря ни на что, она пережила последнюю из трех свадеб своих дочерей – Ди Ди, Си Си и Ли Ли. Не вступил в брак только двадцатипятилетний сын Картер, обитавший в Атланте. Это радостное событие будет планировать другая несчастная (господи, помоги ей) загнанная мать невесты. От них с Эрлом потребуется только явиться на торжество и улыбаться. А сегодня, кроме краткого заезда в банк и покупки пары свиных отбивных к ужину, ей не надо было делать совсем ничего. От облегчения едва не кружилась голова.

Разумеется, Сьюки совершенно боготворила и обожала своих девчонок, но спланировать три масштабные свадьбы за без малого два года – изнурительная, нескончаемая, круглосуточная работа: девичники, подбор фасонов, магазины, примерки, приглашения, встречи с поварами и официантами, рассадка за столы, заказ цветов и т. д. А в промежутке надо успеть разобраться с иногородними гостями и новоиспеченными родственниками, понять, где всех разместить, а сверх того – новобрачные истерики в последний момент, и вот к этому часу она уже была попросту в лоскуты от всех этих свадеб.

Что неудивительно. Если считать последнюю свадьбу Ди Ди, вообще-то масштабных свадеб было четыре, а это означало, что за два года потребовалось покупать и подгонять четыре наряда матери невесты (в одном и том же два раза нельзя).

Ди Ди вышла замуж и стремительно развелась. Но после того, как они потратили несколько недель на возврат свадебных подарков, невеста опомнилась и вышла заново – за того же мужа. Ее вторая свадьба получилась не такой дорогой, как первая, но ничуть не менее хлопотной.

Их с Эрлом свадьба в 1968 году – обыкновенное церковное мероприятие: белое свадебное платье, подружки невесты в одинаковых пастельных нарядах и туфлях, кольценосец, свидетель жениха, банкет – и вся недолга. А теперь всем подавай свадьбу с какой-нибудь темой.

Ди Ди настаивала на подлинной свадьбе в стиле Старого Юга и «Унесенных ветром» – платье, как у Скарлетт О’Хара, с пышным кринолином и всем прочим, а к церкви ее следовало привезти в последнюю минуту, и чтобы она ехала стоя в

небольшом мебельном фургоне.

Ли Ли и ее жених пожелали свадьбу целиком в бело-красных тонах, включая приглашения, еду, напитки и весь декор, – в честь футбольной команды университета Алабамы.

Си Си, близняшка Ли Ли, выходила замуж последней и несла в руках вместо свадебного букета свою десятифунтовую кошку-перса по кличке Ку-ку, а немецкая овчарка жениха, облаченная в смокинг, была его свидетелем. И это еще полбеда: кольца подавала чья-то черепашка. Изнурительная канитель вышла. Черепаху не поторопишь.

Вспоминая все это, Сьюки подумала, что, когда Си Си с Джеймсом пригласили на банкет всех друзей вместе с их домашними питомцами, ей и впрямь надо было упереться, но она свято поклялась никогда не подавлять своих детей. И все-таки полная замена всех ковров в банкетном зале «Гранд-отеля» влетит им в целое состояние. Ну и ладно. Что уж теперь. К счастью, все позади – и очень вовремя.

Два дня назад, когда Си Си отбыла в свадебное путешествие, Сьюки вдруг разразилась безутешными рыданиями. И сама не понимала, что это: синдром пустого гнезда или попросту утомление. Ясное дело, она устала. На банкете представила какого-то гостя его жене. Дважды.

Но, если честно, как бы ни было ей грустно провожать Си Си и Джеймса, она втихаря мечтала вернуться домой, раздеться и залечь в постель лет на пять, – но и с этим пришлось погодить. В последнюю минуту родители Джеймса, его сестра и ее муж решили остаться еще на одну ночь, и ей пришлось по-быстрому что-то придумать им к «прощальному» обеду.

Хорошо еще, что скромно: кокосовые «Маргариты» Эрла, ассорти из печенья, сливочный сыр и перцовый мармелад, креветки с дробленкой, крабовые пирожки с капустным салатом и заливные помидоры на гарнир. И все-таки пришлось поднатужиться.

Добравшись до городка Пойнт-Клиэр и миновав книжную лавку «Страница и палитра», Сьюки подумала, что, может, завтра она сюда заедет и купит хорошую книжку. Читать она успевала только свой гороскоп на каждый день, бюллетень «Каппы»[1 - Одна из «организаций греческих букв» – североамериканских студенческих союзов. – Здесь и далее примеч. перев.], иногда – журнал «Птицы и цветы». Мы, может, уже воюем с кем-нибудь, а она ни сном ни духом. Но теперь, похоже, опять доберется до чтения целых книг.

Ей вдруг захотелось вжарить твист, прямо за рулем, и она вспомнила, как давно им с Эрлом не удавалось разучить новый танец. Она уж, наверное, забыла, как танцевать хоки-поки[2 - Групповой танец, хорошо известный в англоязычных странах.].

Возиться ей теперь осталось лишь со своей восьмидесятивосьмилетней матерью, грозной миссис Ленор Симмонз Крэкенберри, которая категорически отказывалась переезжать в совершенно чарующее заведение для престарелых всего лишь на другом конце города. А согласись она – как бы всем полегчало. Один только уход за материным садом выходил страшно дорого, не говоря уже о годовой страховке. После урагана страховки на дома в бухте Мобил подорожали до небес. Но Ленор была неумолима: никаких переездов из дома! И объявила она об этом драматически: «Пока меня не вынесут вперед ногами».

Сьюки и представить не могла, как ее мать уходит ногами вперед куда бы то ни было. Сколько помнили они с братом Бакком, Ленор, крупная властная женщина, вся в декоративных булавках и длинных, плещущих шарфах, с седыми волосами, начесанными и уложенными во флип завитками назад, вечно влетала в комнату как вихрь. Как-то Бак сказал, что она смахивает на фигуру, которой место на капоте, и с тех пор они между собой называли ее Крылатой Никой. И покидала комнату Крылатая Ника не попросту: она уносилась с шиком, оставляя за собой шлейф дорогих духов. Тихой женщиной она не была ни в каком смысле слова: в точности как выставочную лошадь на Параде Роз[3 - Ежегодный новогодний парад в Пасадине, Калифорния, проводится с 1890 года.], ее саму было слышно за милю – столько Ленор носила браслетов, подвесок и бус. И говорить она принималась задолго до того, как возникала в поле зрения. У Ленор был громкий зычный голос, и, посещая женский колледж Джадсон, она изучала «экспрессию»; к вечному прискорбию семьи, наставник ее в этом поощрял.

Ныне же, из-за кое-каких недавних событий, включая поджог собственной кухни, который она же и устроила, пришлось нанять для Ленор круглосуточную

сиделку. Эрл был преуспевающим стоматологом с крепкой практикой, но богатыми их уж никак не сочтешь – тем более после всех трат на колледжи и свадьбы для детей, вкладных за дом Ленор, а теперь еще и на сиделку. Бедному Эрлу не уйти на пенсию лет до девяноста, однако без сиделки больше определенно не обойтись.

Ленор, мало того что шумная, но еще и со своим мнением обо всем на свете, не только доносила его до всех в радиусе слышимости, но и взяла нынче моду телефонировать чужим людям в другие города. В прошлом году она пыталась дозвониться до Папы Римского, и один тот звонок обошелся им в триста с лишним долларов. Когда ей показали счет, Ленор возмутилась и заявила, что с нее не имеют права стребовать ни дайма, потому что все время продержали в режиме ожидания. Ага, расскажите это телефонной компании. И ведь никак ее не урезонишь. Сьюки спросила, зачем Ленор звонила Папе – принимая в расчет, что она была махroveйшей методисткой в шестом поколении; та задумалась на миг и ответила:

– Ну... потолковать.

– Потолковать?

– Да. Нельзя быть такой зашоренной, Сьюки. С католиками вполне можно разговаривать. Жениться не стоит, но поговорить по душам не повредит.

Случалось и всякое другое. На встрече в Торговой палате Ленор обозвала мэра не в меру умным «саквояжником»[4 - Презрительное именование южанами переехавших на Юг северян в период с 1865 по 1877 год.] и конокрадом, за что ей вчинили иск за очернение репутации. Сьюки вся испереживалась, зато Ленор хранила невозмутимость:

– Им еще придется доказать, что я сказала неправду, и никакие присяжные в своем уме не рискнут признать меня виновной!

Кончилось тем, что дело закрыли, но все равно было очень неловко. Весь прошлый год Сьюки старательно избегала встреч с мэром и его женой, но куда там – город-то маленький. Всюду они.

После того разбирательства у Ленор сменилось три сиделки. Две уволились, одна сбежала посреди ночи, прихватив с собой парадные кольца хозяйки и замороженную индейку. Но недавно, потратив на поиски несколько месяцев, Сьюки, похоже, нашла наконец идеальную няньку, пожилую душку-филиппинку по имени Энджел, терпеливую и милую – невзирая на то, что Ленор все время называла ее Кончитой, потому что, с ее слов, та выглядела в точности как мексиканка, работавшая у нее в Техасе в сороковых, когда туда перевели отца Сьюки.

Радость же состояла вот в чем: у Ленор теперь была Энджел, и Сьюки могла наконец попасть на встречу выпускников «Каппы» в Далласе, а ее соседка по общежитию Дена Нордстром обещала ее там ждать. Они регулярно разговаривали по телефону, однако много лет не виделись, и Сьюки этой встречи очень ждала.

На перекрестке, ожидая зеленого, Сьюки потянула вниз козырек с зеркальцем – посмотреть на себя. О господи, это она зря. Ей казалось, после пятидесяти никто уж на ярком солнце хорошо не смотрится, но все-таки она себя запустила не на шутку. К окулисту не наведывалась года три, не меньше, а ей явно нужны новые очки.

Месяц назад она опозорилась вусмерть. Правильная цитата была: «Я чаша любви Божией», а Сьюки прочла громко, перед всей паствой: «Я бяша любви Божией». Эрл сказал, что никто не заметил, но это уж точно неправда.

Сьюки глянула на себя еще разок. Боже ты мой, неудивительно, что она так жутко выглядит. Выскочила за порог нынче утром без капли косметики на лице. Теперь придется возвращаться домой и хоть как-то краситься. Она всегда старалась выглядеть более-менее презентабельно. Хорошо хоть, что она не такая суетная, как мать, иначе не выбратся ей из дома. Внешний вид значил для Ленор все. В особенности она гордилась «симмонзовскими ступнями» и своим маленьким, чуть вздернутым носиком. Сьюки достался длинный нос отца, а Бак, ясное дело, уродился с симпатичным. Ну да ладно. У Сьюки зато хоть ступни симмонзовские.

Светофор переключился на зеленый, и тут мимо Сьюки просвистела ее ближайшая соседка Нетта Верп на своем «форде-фэрлейне» 1989 года, может, в «Костко», и погудела ей в клаксон. Сьюки гуднула в ответ. Нетта ей нравилась. Золотая старуха. И они с Неттой обе – Львы по гороскопу.

Дом Нетты стоял между домами Сьюки и Ленор. Бедняжка. С одной стороны детки Пулов и их звери, с другой – Ленор звонит ей с утра до ночи, но Нетта никогда не жаловалась. Приговаривала: «Черт бы драл, я вдова. Чем мне еще развлекаться?»

Сьюки, в общем, нечему было удивляться, когда Си Си объявила тему свадьбы: «Звери – тоже люди». Было время, когда в доме Пулов обитало одиннадцать животных, в том числе аллигатор, выбравшийся из бухты к ним на заднее крыльцо, а также три кошки и четыре собаки, включая любимца Эрла – немецкого дога по кличке Малютка, размером с небольшую лошадь.

Собаки, кошки и хомяки, а сверх того слепой енот – еще ладно, однако с аллигатором Сьюки пришлось настоять: этот пусть живет в подвале. Зверей она любила, но когда боишься ночью идти в туалет, пора топнуть ногой – и желательно не по такому, что может ее начисто оттяпать.

Самое трудное в содержании животных – их терять. Два года назад Мистер Генри, их восемнадцатилетний кот, помер, и она до сих пор при виде рыжих кошек не могла удержаться и ревела в три ручья. После смерти Мистера Генри она сказала Эрлу, что зверей с нее хватит. Сердце не выдержит.

Сьюки проехала через весь город, помахала Дорис, торговке помидорами на углу, после чего покатила с холма, к их дому на берегу бухты.

Вдоль старой живописной дороги выстроились громадные дубы, посаженные еще до Гражданской войны. По правую руку, ближе к воде, тянулись на много миль старые деревянные дома, в основном дачи обитателей Мобила. Сьюки прикинула, что если б ей все прожитые годы за каждую поездку по этой дороге платили по пенни, она бы уже стала миллионершей.

Когда отец привез сюда семью из Селмы на лето, ей было восемь. Они прибыли в Пойнт-Клиэр теплым душистым вечером – воздух был пропитан ароматом

жимолости и глицинии.

Она все еще помнила, как они спустились по склону и увидели огни Мобила, сиявшие и мерцавшие на воде, как драгоценное ожерелье. Будто в сказочную страну попали. Испанский мох свисал с деревьев и в лунном свете отливал серебром, а тени от него плясали вдоль всей дороги. Лодки ловцов креветок мигали крошечными зелеными огоньками и Сьюки показались совершенно рождественскими. В Пойнт-Клиэр ей – и тогда, и теперь – чудилось волшебство.

Примерно через милю после «Гранд-отеля» Сьюки повернула на длинную подъездную аллею их двора, усыпанную битыми ракушками, и вкатилась в гараж. Дом Нетты был почти такой же, как у них, но сад она содержала гораздо лучше. Вот отдохнет Сьюки как следует и первым делом все подстрижет. Кусты азалии – позорище, а ее знаменитые гортензии совершенно одичали.

У Пулов, как и почти у всех вдоль этой живописной дороги, был просторный белый деревянный дом с темно-зелеными ставнями. Большинство домов у залива построили задолго до изобретения кондиционеров, в каждом была главная зала, открывавшаяся на обширную крытую веранду с видом на бухту И, как у их соседей, у Пулов был длинный серый деревянный пирс, а на самом конце его – маленькая беседка с жестяной крышей. Когда дети были намного младше, они с Эрлом сживали там почти каждый вечер, смотрели на закат и слушали церковные колокола, звонившие по всей бухте. Уж сколько лет такого не случилось. И как же хотелось ей вновь остаться с Эрлом наедине.

Сьюки забрала два мешка семян из машины и пристроила их в маленькой оранжерее, которую ей построил Эрл, – там она хранила птичьи припасы. Через несколько минут она уже вошла в дом – и тут вдруг заметила, как в нем тихо. Аж жуть. Доносилось лишь тиканье кухонных часов да крик чаек над бухтой. И так странно было не слышать хлопанья дверей или топота вверх или вниз по лестнице. Так приятно оказаться в тишине и покое, когда из комнат не ревет музыка. До того приятно вообще-то, что уж не налить ли ей чаю, не присесть да не расслабиться ненадолго, а уж потом опять браться за дела.

Но едва она потянулась к чайному пакетику, в кухне зазвонил телефон. В пустом доме телефонный звонок верещал, как пожарная сигнализация. Она глянула на номер абонента. Звонили издалека, но код она не опознала и потому решила –

пусть себе звонит. Хватит с нее разговоров, особенно без нужды. За последние дни ей пришлось столько улыбаться и разговаривать, что лицо ломило до сих пор.

Сьюки поставила чашку с водой в микроволновку, прихватила пакетик и отправилась наслаждаться на веранду. Устроилась в большом белом плетеном кресле. Бухта была гладкой как стекло, ни единой волны.

Она заметила, что гардении еще цветут: надо бы срезать несколько и сложить в тарелку с водой в гостиной, пусть плавают. От них в доме всегда так сладко пахнет. Сьюки глубоко вдохнула свежего воздуха и уже собралась отхлебнуть чаю, и тут телефон зазвонил опять. Господи ты боже мой, ведь наверняка кто-нибудь ошибся номером или коммивояжер хочет ей что-то продать, но если не ответить, телефон будет сводить ее с ума весь остаток дня. Она вернулась на кухню, сняла трубку. Звонила мама.

– Сьюки, зайди ко мне сейчас же.

– Мама, что случилось?

– Мне надо обсудить с тобой кое-что крайне важное.

– Ой, мама, а попозже можно? Я только что вошла.

– Нет, нельзя!

– Ну... ладно. Постараюсь поскорее.

Нахмурившись, Сьюки повесила трубку. Этот вот материн тон ее слегка обеспокоил. Уж не вызнала ли мама, что Сьюки разговаривала с женщиной из дома престарелых «Вестминстерская деревня»? Она просто интересовалась стоимостью – всего один короткий телефонный разговор. Но если кто-то донес Ленор, та будет в бешенстве.

Несколько минут спустя Сьюки уже была у Ленор; сиделка, срезавшая перед крыльцом свежие цветы, глянула на нее и сказала:

– О, доброе утро, миссис Пул. – И добавила с сочувственной улыбкой: – Господи благослови вас.

– Спасибо, Энджел, – ответила Сьюки.

Да... все, видимо, еще хуже, чем она думала. Сьюки вошла в дом и позвала:

– Мама?

– Я здесь.

– Где – «здесь»?

– В гостиной, Сьюки.

Сьюки заглянула в гостиную. Мать сидела за большим георгианским обеденным столом, окруженным двенадцатью стульями в стиле королевы Анны. На столе перед ней стоял поместительный кожаный сундук, отделанный изнутри бордовым бархатом; в сундуке хранился набор столового серебра «Франциск Первый». Рядом покоилась массивная Библия семейства Симмонз.

– Мама, что происходит?

– Сядь.

Сьюки села и изготовилась ко всему. Ленор возвела на нее очи и произнесла:

– Сьюки, я позвала тебя сюда, потому что не вполне уверена, что ты до конца понимаешь, какое наследство получишь после моей кончины. Как единственная дочь ты унаследуешь все симмонзовское фамильное серебро... но, прежде чем умереть с миром, я хочу, чтобы ты поклялась на этой Библии, что никогда, ни при каких обстоятельствах не допустишь разбазаривания этого набора.

Сьюки сразу polegало, что разговор не о звонке в «Вестминстерскую деревню», и она ответила:

– Ой, мама... Я очень ценю... но, вот честно, отчего ты не оставишь это все Банни? У них с Баком жизнь куда более светская, чем у меня.

– Что? – Ленор задохнулась и схватилась за свои жемчуга. – Банни? Оставить Банни? Ох, Сьюки... – И она глянула уязвленно. – Ты хоть представляешь себе, чем пришлось пожертвовать, чтобы сохранить это в семье? (Сьюки вздохнула. Она слышала эту историю тысячу раз, но Ленор обожала ее пересказывать – не без широких театральных жестов.) Бабушка Симмонз сказала, что во время войны между семьей и повальным голодом осталось только прабабушкино серебро. И что она, как ты думаешь, сделала?

– Не знаю, мама. Что же?

– Она решила голодать, вот что! Она говорила, что бывали дни, когда из еды им перепало по жалкой горстке пеканов. А серебро приходилось каждый вечер перепрятывать, чтобы солдаты-янки не нашли, но она его сберегла! А ты говоришь: «Ой, отдай его Банни»? Которая не только не Симмонз – она даже не из Алабамы? Лучше б уж сразу мне сердце вырезала да и выкинула его на двор.

– О боже. Хорошо... Извини, мама. Просто... в общем, если хочешь оставить его мне, спасибо.

Сьюки, конечно же, не хотела ранить материных чувств к этому серебру, но ей оно и вправду было ни к чему. Она не знала ни одного человека, кто все еще пользовался бы вилок для солений или ложкой для грейпфрута, и в посудомоечную машину настоящее серебро класть нельзя. Каждый предмет нужно мыть вручную. А драить его целый день уж точно не хотелось. Орнамент «Франциска Первого» – двадцать восемь выточенных фруктов на одной только ручке ножа, не говоря уже о чайном наборе, кофейном наборе и двух наборах канделябров для торжественных случаев.

Сьюки подумалось, что ей стоит больше печься об этом серебре. Как-никак приехало из самой Англии и хранилось в семье столько поколений. Но ей не доставало материной помпезности. Крылатая Ника преставилась бы от эпилепсии, узнай она, что ее дочь по временам пользуется бумажными тарелками и пластиковыми приборами и терпеть не может чистить серебро.

А вот Ленор серебро драить обожала – раз в месяц усаживалась в гостиной в белых нитяных перчатках и раскладывала все это богатство перед собой.

– Ничто так не успокаивает, как чистка своего серебра.

Ну и ладно. Теперь-то уж что. Никуда Сьюки от него не деться. Она поклялась на Библии, что не только никогда не отдаст ни одного прибора, но и лично будет все их регулярно полировать.

– Никогда не позволяй окиси тебя опередить, – наставляла Ленор.

Что тут поделаешь? Родившись дочерью Ленор, Сьюки пришла в мир с предписанными обязанностями. Во-первых, гордо продолжать линию Симмонзов, которую, по словам Ленор, можно было отследить аж до Англии XV века. Во-вторых, беречь фамильное серебро.

Стоял такой прекрасный теплый день, что Сьюки, выбравшись от матери, разулась и отправилась домой вдоль бухты босиком. Шагая по песку, она вдруг подумала, сколько же раз за эти годы они с детьми проделывали этот путь от их дома к Ленор и назад. Еще вчера, казалось, дети весь день бегали между двумя домами.

Странная штука – время. Когда дети были младше, она, помнится, любовалась их маленькими следами на песке, но те дни давно минули. Дети выросли... и, благослови их господи, ни у одного не оказалось симмонзовских ступней, зато у троих были пуловские уши. Но то – совсем другая история.

Через несколько минут, соорудив кое-какой макияж, Сьюки выкатилась обратно в город и теперь стояла в очереди к автоокошку банка – внести денег на очередные непредвиденные расходы Ленор. Лет десять назад та вдруг начала возвращать счета направо и налево и, похоже, нисколько об этом не беспокоилась.

– Ненавижу возиться с цифрами, – объяснила она.

С тех пор вся ее почта приходила Сьюки, включая все счета. Разбор одних лишь писем Ленор – работа на полную ставку. Она без конца строчила статьи в газету. В последней эпистоле мать предлагала отнять право голоса у людей моложе пятидесяти пяти, и на нее одну пришло более сотни писем-откликов, отвечать на которые пришлось Сьюки. Ленор на свою почту и взгляда не бросала.

– Ты расскажи мне главное, – говорила она.

Ленор заказывала практически все, что видела по телевизору, а Сьюки должна была отправлять приобретения обратно. Зачем восьмидесяти-с-лишним-летнему человеку тренажер «БедроМастер»?

Ленор – ее мать, и Сьюки любила ее, но боже мой, сколько же с ней хлопот. Когда Эрл купил свою первую практику и они перебрались в Пойнт-Клиэр, Ленор настояла: прежде чем она переедет вместе с семьей из Селмы, прадеда Симмонза нужно перевезти с кладбища Селмы на солдатское в Пойнт-Клиэр.

– Я просто помру, если не смогу воздавать дедушке Симмонзу почестей. Он был генералом, Сьюки!

Разумеется, возиться с бесконечной бюрократией пришлось Сьюки. Несколько недель она провела в дрызгах с кладбищенскими работниками, подписывая одну бумажку за другой, умоляя их выкопать и прислать кого угодно – пса, кошку, лошадь. К тому времени она уже так устала, что ей было все равно.

Машина впереди сдвинулась на одно место ближе к кассовому окошку, Сьюки подтянулась следом. Вновь посмотрела на себя в зеркальце. Теперь, накрашенная, она выглядела получше, но, конечно, серьги вдеть забыла. Вот честно: со всеми свадьбами и ее матерью чудо еще, что она в своем уме.

Нервы у нее всегда были хрупкие, и в напряженных обстоятельствах Сьюки могла упасть в обморок. А никогда не знать, что мама выкинет в следующий раз, – большое напряжение. Ленор явилась на свадьбу Си Си в огромной желтой шляпе, на которой высилась клетка с двумя живыми неразлучниками. Одному богу известно, где она это раздобыла.

Слава небесам, все отпрыски Пул были славными детьми. Пока они росли, она позволяла им делать почти все что заблагорассудится. Она хотела им

беззаботного детства. Ее таким уж точно не было – Ленор ее ко всему принуждала. Сьюки всегда была, в общем, застенчивой. Ее никогда не тянуло попасть ни в ряды «Магнолийных Девниц»[5 - В Мобиле, Алабама, существует группа «Девушки Аллеи Азалий» – пятьдесят старшеклассниц, ежегодно выбираемых «официальными представительницами» города; облаченные в наряды времен до Гражданской войны, девушки присутствуют на официальных городских торжествах и встречают иногородних и иностранных почетных гостей Мобила.], ни в группу поддержки, ни в какую-либо студенческую организацию. Но выбора у нее не было.

Ленор правила железной рукой. «Фамилия Симмонз обязывает тебя быть заводилой, Сьюки!» – говорила она.

Что ж... из этого определенно ничего не вышло. Она знала, что разочаровывает мать, но что ей оставалось делать? Она не понимала почему, но в школе, как ни старалась, никогда выше тройки в среднем ничего не получала, а вот у Бака были сплошные «А». Балетные же классы, в которые ее запихнула Ленор, вообще обернулись полной катастрофой.

Сьюки наконец очутилась перед окошком кассирши, отдала ей депозит и вдруг заметила, что у нее правый глаз странно дергается, – наверное, остатки стресса после свадебной нервотрепки. Спасибо Эрлу – он под конец взял черепашку на руки и вручил ее Джеймсу, иначе они бы, возможно, все еще сидели на церемонии. Девушка в окне толкнула на нее ящик с квитанцией и сказала в микрофон:

– Спасибо, миссис Пул, хорошего дня.

– Ой, спасибо, Сюзи. И тебе тоже.

– Маме привет передавайте.

– Передам.

После банка Сьюки отправилась в магазин, приобрела свиные отбивные и, поразмыслив, еще и банку ананасных ломтиков. Эрл сказал, что у него для Сьюки припасен на вечер большой сюрприз, и она решила, что ананасы котлетам не повредят.

Сьюки стояла в очереди на кассу для тех, у кого «меньше шести покупок», и тут услышала, как кто-то окликнул ее по имени. Оказалось – Дженис, симпатичная молоденькая блондинка, из свадебных подружек Си Си; та бросилась к ней из овощного отдела с кочаном латука в руках. Обнялись.

– Ой, миссис Пул, я так рада вас видеть! Как вы? Должно быть, выбились из сил со всеми этими треволнениями... но очень уж хотелось сказать, что редко мне доводилось бывать на свадьбе приятнее. И так здорово все вышло! Си Си и Ку-ку в церкви были такие славные, а еще всегда чудо видеть вашу драгоценную маму. Клянусь, она вообще не меняется. Такая красotka до сих пор... и такая забавная. Жалко, что вы не за нашим столом сидели, она смешила нас до визга. А шляпа с птицами! Как она это выдумывает?

– Понятия не имею, – ответила Сьюки.

– Такая оригиналка! И такая милая – привела с собой эту маленькую мексиканочку, свою сиделку. – Очередь к кассе сократилась на одного покупателя, Дженис двинулась за Сьюки. – А, вот еще что, миссис Пул, – я собиралась писать вам записку, извиниться за ужасное поведение Динь-Диня на банкете. Не знаю, что на него нашло. Он обычно обожает котов до полусмерти.

Сьюки ответила:

– Да вы не волнуйтесь, милая... В конце концов, собаки есть собаки.

Дженис секунду обдумывала сказанное и отозвалась:

– Да, пожалуй, вы правы. Ничего не могут с собой поделаться, верно? – Затем состроила печальное лицо. – Вы как, держитесь? Вам, должно быть, так грустно, что Картер и все девочки разъехались, – но, слава богу, у вас есть мама, не так скучно... я уверена, она развлекает вас круглосуточно, да?

– О да, еще как, – вымолвила Сьюки.

Тут подошла ее очередь, и Дженис сказала:

– Ну, я побегу. Пока, миссис Пул, рада была увидеться. Непременно передавайте маме привет.

– Передам, передам, милая.

Выйдя из магазина, она увидела стол – дамы из Ложи Лосей[6 - Милосердный и покровительствующий Орден Лосей – престижное братство и клуб американских бизнесменов с филиалами в разных городах США; основан в 1868 году в Нью-Йорке.] устроили кондитерскую распродажу – и подошла посмотреть, чем торгуют. За столом дежурила Дот Йейгер.

– Все хороши, правда? – спросила она.

– Это точно.

– Твоя мама чудо как прелестна была вчера в церкви – ярко-синее платье, седые волосы. Я бы мечтала носить такой оттенок, но он меня бледнит до невозможности. У меня с цветами все определено – осень, а вот Ленор – она весна, верно?

– Да, я думаю.

Сьюки пыталась выбрать между лимонным десертом и пирогом с пеканом, а тут у стола очень кстати появилась ее подруга Марвэлин.

– О, привет, Марвэлин. Как думаешь, что лучше пойдет со свинными котлетами? Пекан или лимонный десерт?

– Я бы на твоём месте брала пирог с лаймом, но я вообще его обожаю.

Сьюки такой и взяла.

Встрече с Марвэлин она обрадовалась. Та, похоже, вполне успокоилась. У Марвэлин недавно случился развод, и какое-то время ей было довольно трудно. Она даже встречалась в Мобиле с тренером личностного роста по имени Эдна Йорба Зорбра, и при каждой встрече Марвэлин хотелось лишь во всех подробностях излагать, что именно ей недавно сказала эта самая Эдна.

Несколько месяцев назад Сьюки заскочила в магазин в страшной спешке и попыталась спрятаться, но Марвэлин ее заметила и загнала в отдел замороженных продуктов.

– Сьюки, ты дневник ведешь?

– Что?

– Дневник ведешь? Записываешь всякое?

– Д, типа списков. Да, приходится. Я уже четыре раза в магазин сходила, пока не вспомнила про пармезан.

– Нет, Сьюки, я в смысле серьезно вести дневник. Записывать свои самые сокровенные мысли. Эдна Йорба Зорбра говорит, что это совершенно необходимо для поддержания душевного здоровья. Передать не могу, как это изменило мою жизнь. Я бы никогда не развелась с Ралфом, если б не начала все за собой записывать. Никогда бы не подумала, до чего не выношу мужа, пока не записала черным по белому. Тебе нужен дневник, Сьюки. Я не знала, кто я такая, пока не взялась вести дневник.

Что ж... Для Марвэлин, видимо, это годилось, думала Сьюки, но сама и представить не могла, чем бы ей хотелось заниматься меньше записи своих сокровенных чувств. Да и кроме того, Сьюки уже точно знала, кто она такая, – к сожалению, это было известно и всем остальным в радиусе пяти сотен миль.

По дороге домой Сьюки проехала мимо кладбища, и там у входа, конечно же, стояла машина Ленор. Каждый понедельник мать возлагала свежие цветы на могилу деда Симмонза, инспектировала участок, а потом обзванивала тех, у чьих родственников цветы на могилах увяли, и отчитывала за неуважение к усопшим. У большинства людей жизнь продолжалась, и их волновали те, кто умер гораздо позднее. Но не у Ленор. Эта женщина была одержима своими предками.

Мать Ленор умерла родами, и ребенка растила бабушка. Видимо, это многое говорило и о Ленор, и о ее склонности жить не просто прошлым, а далеким прошлым. Прадед Сьюки появился на свет во время Гражданской войны, и

воспоминания Ленор о том времени еще не зажили и горчили. С раннего детства она, сидя у своей бабушки на коленях, слышала, что для выживания необходимо всегда быть сильной и гордой. Да, Юг утопал в крови и был побежден, но не сломлен. Они все потеряли – кроме гордости и славного имени.

В семнадцать лет Ленор отправили в колледж Джадсон, и там она стала президентом сестринства «Каппа Каппа Гамма», а при выпуске произносила прощальную речь. В Джадсоне она познакомилась с отцом Сьюки Олтоном Картером Крэккенберри. Тот учился неподалеку, в Мэрионском военном институте. И с первого мига их встречи в приветственной цепочке перед балом любовь ослепила его на всю жизнь.

Во Второй мировой войне отец Сьюки командовал целым подразделением в Браунсвилле, штат Техас. Однако дома заправляла Ленор. Он страшно ее баловал и делал почти все, чего жена от него хотела. Что бы та ни вытворяла, он лишь смотрел на нее и восклицал, обращаясь к детям: «Вы только поглядите, какое она чудо, а?» До самой смерти он твердил, что Ленор была самой красивой девушкой на Военном балу старшеклассников, и с этим фактом Ленор соглашалась совершенно чистосердечно. И часто.

Добравшись домой, Сьюки разобрала покупки и отправилась на солнечную террасу с газетой, но только уселась почитать, как на колени к ней прыгнула Ку-ку. Вот же. Пока Си Си не вернется из свадебного путешествия, Сьюки была готова приютить кошку, но привязываться не хотелось, и потому она спустила ее на пол. Но кошка запрыгнула опять. Сьюки вздохнула и проговорила:

– Ой, Ку-ку. Милая... не подлизывайся. Иди-ка. – И она вновь спустила зверька на пол. Но та немедля влезла назад. Бедняжка явно желала поласкаться, и, совершенно вопреки здравому смыслу, Сьюки принялась ее гладить. И минуты не прошло, а Ку-ку уже урчала, топталась у Сьюки на коленях, таращилась на нее и была совершенно счастлива и довольна. – Ох ты боже мой... Скучаешь по маме, да? Она вернется, не волнуйся. Дать тебе еще перекусить? Хочешь, да, сокровище? Хочешь поиграться?

О господи. Кошка у нее всего двое суток, а она с ней уже сюсюкает. Но что поделаешь? Не пренебрегать же ею... и она такая славная.

Когда Эрл вернулся с работы, Ку-ку уже гонялась за мышкой на веревочке, которую Сьюки таскала за собой по всему дому. Эрл сказал:

- Привет, милая. Что поделывала?

Сьюки много лет ждала возможности ответить на этот вопрос именно так:

- Ничего. Совершенно ничего.

В ту ночь Эрл уже уснул, Ку-ку – тоже, у нее под боком, но Сьюки, по обыкновению, все еще бодрствовала. Большой сюрприз Эрла – второе свадебное путешествие, в которое он собрался ее взять, и она очень обрадовалась. Она хотела быть рядом с Эрлом как можно больше, покуда могла. С таким неопределенным будущим, как у нее, Сьюки и впрямь не знала, сколько ей осталось.

Над Симмонзами висело это проклятие. Достигнув определенного возраста, некоторым (тете Лили и дяде Бейби) приходилось отправляться в санаторий «Милый холм». Как сказал врач, «когда пятидесятилетний мужчина выходит в город в костюме пастушки, как Дейл Эванз[7 - Дейл Эванз (1912–2001) – американская актриса, певица, автор песен. – Здесь и далее написание всех имен и фамилий приведено в соответствии с произносительной нормой современного английского языка.], включая юбочку с бахромой, ему явно пора», а после неудачного случая с мальчишкой-газетчиком стало ясно, что и тетю Лили надо бы сдать. Но с Ленор не разберешь. Когда Сьюки позвонила доктору Чилдрессу в Селму, рассказала о недавних маминых выходках и спросила его мнения, тот вздохнул и сказал:

- Сьюки, милая, я знаю твою мать всю свою жизнь, и штука в том, что с Ленор никогда не угадаешь, какое поведение у нее «восхитительно эксцентричное», а какое – «с полным приветом». Это, конечно, не официальный диагноз, но у каждого Симмонза, кого я когда-либо знавал, хоть один шарик да заезжал за ролик.

Доктор Чилдресс много лет был их семейным врачом, и Сьюки пожалела, что он сказал ей это уже после рождения у Пулов четверых детей, а не до. Кто знает, какие шизанутые гены она им передала? Дети-то ладно – второе поколение как-

никак, а вот сама она была генетической часовой бомбой, того и гляди рванет. Сьюки страшилась мысли, что наступит день и она опозорит мужа и детей – на какой-нибудь свадьбе кто-нибудь ткнет в нее пальцем и скажет: «Вон та женщина в углу, которая разговаривает с собой и гоняет воображаемых мух, – мать невесты».

Она пыталась поделиться с Эрлом, до чего ее тревожит проклятье Симмонзов, но муж только отмахивался:

– Ой, Сьюки, не говори глупостей. Не сойдешь ты с ума. Ты такая же вменяемая, как я.

На это и оставалось уповать. Но несколько недель назад она отправилась на примерку платья в Мобил – и забыла его дома. Хотелось верить, в ее-то почти шестьдесят, что это нормальное возрастное явление, а не что похуже. Она не знала, но написала ближайшим родственникам письмо и положила его в банковскую ячейку – на всякий случай.

А еще ей хотелось, чтобы Картер все-таки женился поскорее. Он всегда был нарасхват. Пара его старинных подружек все еще позванивали, спрашивали о нем, и Сьюки это бодрило. Недавно он сказал:

– Mam, хочу жениться... просто пока никого не нашел, и как-то оно обламывает.

– Ох, знаю, милый, но, честное слово, ты встретишь в точности ту, какую надо, а когда это случится – сам поймешь.

– Как?

– Просто поймешь, и все.

Сьюки знала, что это дурацкий ответ, но у нее-то все так и вышло. Ну вроде. С Эрлом Пулом-мл. они были знакомы с начальной школы. Она просто еще много лет не догадывалась, что он – тот самый. Ясное дело, жизнь не всегда казалась ей медом, – а кому она кажется? Но даже если бы жизнь кончалась завтра, она бы все равно была за нее благодарна. И в первую очередь – за Эрла.

Дети же, по большей части, были сплошь радостью. С близнецами Си Си и Ли Ли хлопот никогда не возникало. Всегда довольные – может, оттого, что вместе. Не успели научиться говорить, как принялись болтать друг с дружкой. Вдвоем они будто составляли свое маленькое целое, и Сьюки изумлялась, как отлично они ладят. Она читала, что некоторые близнецы терпеть не могут одинаковую одежду, а ее – вот нет. Этим нравилось, и они даже носили одинаковое белье и пижамки. И говорили хором. Одна начинала фразу, вторая заканчивала.

С Картером тоже оказалось просто. Он был прямо как ее брат Бак. Вышлешь его на двор с мячиком – и вся недолга. А вот Ди Ди ее тревожила. Она никогда, в общем, не была счастливой девчонкой, а подростком – и подавно. Она вышла чуть упитанной, не то что близняшки и Картер, унаследовавшие идеальную фигуру Ленор, и все старшие классы у нее были жуткие прыщи. Каждый новый прыщик вызывал новый прилив истерики. Почти каждый день Ди Ди приходила из школы, неслась в свою комнату и бросалась на кровать в слезах, потому что очередной мальчик не пожелал с ней разговаривать, или ее не пригласили на вечеринку, или еще что-то в равной мере губительное. Сьюки часами сидела с ней, держала за руку, а дочь рыдала о том, как чудовищна жизнь.

– Мама, – всхлипывала она, – ты просто не понимаешь, как мне. Все вокруг только и говорят, какие близнецы красотки и милашки. Всю мою жизнь люди влюбляются в них, а меня будто и нету. – И неизбежно подвывала: – Мама... зачем ты родила близнецов? Почему не родила одного, как нормальный человек!

Сьюки пыталась объяснить:

– Прости, милая. Я не планировала. Просто оно так вышло. Я и сама очень удивилась. Это первые близнецы во всей семье, с обеих сторон. Чистая случайность.

– Так я надеюсь, ты счастлива! Ты мне всю жизнь поломала. Я всегда буду жирной, никому не нужной уродиной с жуткой кожей.

Так оно и тянулось, и никак не кончалось. Она старалась уделять Ди Ди особое внимание, быть с ней терпеливее, потому что, к сожалению, дочь говорила ей правду. Куда бы девчонки ни шли, особенно когда были маленькие, люди устраивали вокруг близнецов бог весть что, а бедной Ди Ди оставалось только слушать, как все кругом охают и ахают, какое чудо эти две. Глядя на страдания

Ди Ди, Сьюки сокрушалась всем сердцем. Растя с Ленор, она всегда чувствовала себя бурым воробьишкой, скачущим за спиной у громадного красочного павлина.

Вторник

7 июня 2005 года

Наутро Сьюки проснулась рано и изготавилась решить задачку с птицами. Не успел Эрл уйти на работу как затрезвонил телефон в кухне – кто бы это мог быть в такую рань? Точно не Ленор: она уехала на водные процедуры в центр для престарелых. О господи, пожалуйста, только бы не Ди Ди – вдруг скажет, что возвращается жить домой. Сьюки знала, что у дочери опять не все ладно в браке, а сегодняшний гороскоп предупредил, что следует «ждать неожиданного». Сьюки встревоженно глянула на аппарат – чей же там номер? Не Ди Ди. Тот самый код региона, что и вчера, – быть может, тот же торговец, и она решила не брать трубку. Нет у нее сейчас времени. Надо сосредоточиться на плане птичьей кормежки. Будет непросто. Она видела, как синие сойки расправляются с едой в считанные минуты, так что придется побегать.

Сьюки быстро сполоснула тарелки после завтрака, сунула их в посудомойку, но телефон не умолкал, и это отвлекало. Был у них когда-то автоответчик, но Ленор сочла его своим открытым микрофоном для рассуждений на любую тему в любое время и оставляла пятнадцати-, а то и двадцатиминутные сообщения, иногда – посреди ночи. Потому от него пришлось избавиться.

Завершив дела на кухне, Сьюки задумалась: насыпать подсолнечника сойкам перед крыльцом или на заднем дворе? Если перед крыльцом, кто-нибудь может проехать мимо, заметит ее и остановится поболтать, а у нее не будет ни одной лишней секунды. И потому она решила начать за домом и бежать к крыльцу. Успех предприятия будет зависеть от того, с какой скоростью сойки разделаются с семечками и смекнут, что и у крыльца есть чем поживиться, – и как быстро она сможет обежать дом.

Во что же ей обуться? Она глянула на ноги и решила, что в шлепанцах не стоит – опасно. Отправилась в кладовку, но и там не обнаружила ничего подходящего: у каждой пары ее обуви имелся хоть и невысокий, да каблук.

Она залезла в шкаф у близнецов в спальне и зарылась в коробку с их старой обувью. Нашла пару изношенных розовых туфель с помпонами. Увы, они были на два размера больше, чем нужно, но всяко лучше, чем носиться в шлепанцах и сломать лодыжку.

Сьюки надела их, зашнуровала ту же некуда и пошла в теплицу, где наполнила две большущие глиняные плошки в горошек, одну – подсолнечником, вторую – смесью. Плошку со смесью поставила сбоку дома, на пути с заднего двора к крыльцу, чтобы подхватить ее на бегу. Затем вернулась в теплицу, забрала плошку с подсолнечником, глубоко вдохнула и устремилась во двор, где молниеносно загрузила семечки в кормушки.

Разделавшись с кормушками во дворе, бросила плошку на землю, рванула к плошке в горошек с зерновой смесью, побежала к крыльцу, но тут попала ногой в суслицью норку и потеряла левую туфлю. Останавливаться времени не было, и она просто понеслась дальше в одной туфле.

И разумеется, в тот самый миг, когда она оказалась у крыльца, мимо ее дома проезжал новый священник-методист с супругой. Увидев, как Сьюки, в одной розовой туфле с кисточкой, скачет на одной ноге и рассыпает по кормушкам семена из здоровенной лоханки в горошек, притормозили и собрались из вежливости остановиться и поздороваться, но, к радости Сьюки, решили, что не стоит, и поспешно двинулись дальше. Сами они были из Шотландии и не ведали, беготня в одной розовой туфле с помпоном, в обнимку с поместительной плошкой в горошек и разбрасывание семян – южный ли это ритуал кормления птиц или нет, но побоялись уточнять.

Соседка Сьюки Нетта Верп сидела в халате на боковом крыльце, попивая кофе, и вдруг увидела, что Сьюки мечется по саду адским нетопырем с плошкой в горошек в руках и расшвыривает семена; задумалась, что же это она такое делает. Нетта никогда в жизни не видела, чтобы люди кормили птиц в такой спешке.

Заполнив кормушки у крыльца, Сьюки забежала в дом и уставилась в окно гостиной, ожидая, что мелкие птички слетятся поесть. Ждала-ждала, а те всё не летели. Где же они? Ни единой птахи не видать. Она примчалась в кухню, глянула из окна во двор и увидела, как синие сойки счастливо обжираются подсолнечником, а мелкие птички скачут, как обычно, ниже по кустам. Вот те на. Птички не знали, что их ждет у крыльца. О господи. Это в ее планы не входило. Что же делать? Сьюки выскочила на веранду и принялась махать руками и вопить что было духу:

- Летите к крыльцу, птички, все к крыльцу! Скорее, птички!

Но птицам разве втолкуешь? Вот незадача. Теперь не только мелюзге ничего не достанется, но и куча подсолнечника, похоже, привлекла всех до единой синих соек в округе – их прибывало с каждой минутой.

Нетта наблюдала за соседкой со своего крыльца – та скакала и махала руками как полоумная, и Нетта терялась в догадках. Поведение, прямо скажем, необычное. Оставалось надеяться, что бедняга Сьюки в одночасье не съехала с катушек, но с Симмонзами поди разбери.

Чуть погодя Сьюки подбежала к окну в гостиной – поглядеть, вдруг хоть кто-то из малышни прилетел к крыльцу, но нет: целая ватага здоровенных синих соек уже осадила двор перед крыльцом и поглощала смесь. Да что ж такое! Ей пришло в голову лишь одно решение: добыть старую бейсбольную битку Картера, выбежать да и распугать соек. Однако совсем не хотелось, чтобы на нее донесли в общество гуманного отношения к животным, она там все-таки в совете. Господи, а тут еще и телефон надрывается. Кто бы там ни был, ее номер у этого человека – на автоматическом наборе. Разрываясь между сойками и телефоном, она заработала головную боль – и все же пошла к аппарату.

- Алло!

Человек на другом конце провода, похоже, удивился, что ему наконец ответили, и отозвался:

- Ой, алло! Э-э... подскажите, пожалуйста, с кем я говорю?

– А кому вы звоните? – спросила Сьюки – и увидела, как прилетели еще три сойки.

– Я разыскиваю миссис Эрл Пул-младший.

– Да, это я.

Стоило ей это проговорить, как она поняла, что совершила ошибку. Надо было прикинуться горничной и сказать, что миссис Пул нет дома. А теперь она застряла у телефона. Глядя, как прибывают синие сойки, она вдруг вспомнила про старенькую пневматическую винтовку Картера в чулане. Интересно, удастся предупредительно выпалить разок-другой с крыльца так, чтобы ее не заметили.

Человек в телефоне задал следующий вопрос:

– В девичестве Сара Джейн Крэкенберри?

– Да, была... она самая. – Сьюки поняла, что даже мысль о стрельбе по беззащитным птицам совсем для нее не типична, однако синие сойки эти ее просто бесили – они же обижают маленьких.

– Девичья фамилия вашей матери – Симмонз, среднее имя – Мэрион, зовут Ленор?

– Да, верно.

– Ваша семья проживала в Браунсвилле, Техас, с 1942 по 1945 год?

– Да, угу.

– Нынешний почтовый адрес миссис Ленор Симмонз Крэкенберри – 526, Бей-стрит, Пойнт-Клиэр, Алабама?

– Да, вся ее почта и все счета приходят мне. – Сьюки все еще думала, пугать ей соек старой воздушкой Картера или нет, и решила, что не стоит. Если случайно собьет хоть одну, никогда себе не простит.

- Почтовый индекс 36564?

Пришла Ку-ку, потерлась о ее ногу. И тут Сьюки озарило: не желает ли Ку-ку могучую жирную сойку на завтрак? Кошку же можно выпустить. Но с другой стороны, если Ку-ку убежит или с ней что-нибудь стряется, Си Си устроит истерику.

- Мэм? Вы меня слушаете?

- Ой, простите, что?

- Ваш почтовый индекс 36564?

- А, да. Правильно. Простите меня. Я несколько занята. У меня тут неувязка с птицами.

Сьюки села, прижала трубку к уху плечом и завязала шнурок на розовой туфле. Почувствовала, как тупая боль разгорается в правой щиколотке. Приехали. Вот как влезла она в эту суслицью норку, так сразу и поняла, что вывихнула себе что-то. Хоть бы не растяжение. Нужно срочно приложить лед, пока не распухло, а еще надо бы уже кончать с этим звонком, но как-нибудь вежливо.

- Простите, сэр, но я, кажется, растянула щиколотку, и мне придется повесить трубку.

- Понял... хм... Миссис Пул, еще один вопрос. Вы будете завтра дома с десяти утра до полудня?

- Что, простите?

- Вы будете завтра по этому адресу?

- Да, наверное. Может, потом поеду в турагентство. А что?

- Мы отправляем письмо на имя миссис Ленор Симмонз Крэкенберри, и нам необходимо знать, что вы будете дома и распишетесь в получении.

Тут Сьюки внезапно подумалось, что это очень странный звонок. Зачем этому человеку знать, будет ли она дома завтра и в какое время? Как-то подозрительно – уж не извращенец ли это? Или вор? И она быстро проговорила:

– Да, буду дома, и муж мой, шеф полиции, тоже. Скажите, пожалуйста, а откуда вы звоните?

– Я звоню из Техаса, мэм.

– Из Техаса? А поточнее?

– Примерно из Остина.

– Из Остина, Техас?

– Да, мэм. Миссис Пул, письмо придет по вашему адресу завтра, между десятью утра и полуднем.

Теперь Сьюки совсем оторопела. С чего вдруг кому-то в Техасе слать Ленор письмо?

– Это из сети «Купи Самоцвет»? Они в Техасе? Она заказала себе еще булавок? Надеюсь, что нет. У нее их уже больше сотни.

– Нет, мэм.

– От Барбары Буш?[8 - Барбара Пирс Буш (р. 1925) – жена 41-го президента США Джорджа Х. У Буша (Буша-старшего).] Мама считает, что у них много общего, и все пишет ей, бедняжке, и пишет, приглашает в гости приехать. Я ей говорила: мама, Барбара Буш слишком занята и в такую даль к тебе на обед не поедет.

– Нет, мэм, это не от миссис Буш.

– Хм... телефонная квитанция? Опять она кому-то позвонила – и снова за чужой счет? Если так, простите заранее. За ней приглядывает прекрасная сиделка, но она, должно быть, отвлеклась на пять минут. Как бы то ни было, простите и передайте тому, кому она дозвонилась, что мы рады будем оплатить.

На другом конце провода повисло молчание, а потом человек сказал:

– Миссис Пул, у нас заказное письмо, которое мы нынче вечером вышлем, и я лишь хочу удостовериться, что завтра кто-нибудь, уполномоченный за него расписаться, будет дома.

У Сьюки замерло сердце. Заказное письмо! Только не это. «Заказное» – значит, что-то юридическое. Сьюки поморщилась и спросила о самом ужасном:

– Сэр, вы сказали «у нас», это, часом, не означает, что вы – юридическая фирма?

– Простите, миссис Пул, я не могу обсуждать это по телефону.

О боже, точно что-то серьезное, если человек даже обсуждать это по телефону не хочет.

– Слушайте... Простите ради бога, как вас зовут?

– Хэролд, мэм.

– Послушайте, Хэролд, это не про ее ли газетные статьи? Она смотрит новости, накручивает себя, и ее потом не остановишь. Но, честное слово, если моя мать угрожала правительству или сказала какую-нибудь глупость, уверяю вас, она совершенно безобидная старушка. В том смысле, что не вооружена или как-то. Она просто не очень в себе, если вы меня понимаете. Это у нас семейное. Знали бы вы Симмонзов. Они все чуть-чуть того. У нее есть брат и сестра, вот те совсем того. Вы и представить себе не можете, какие с этой женщиной неприятности. Ей почти восемьдесят девять, а она отказывается переезжать в дом престарелых и не дает нам оборудовать для нее ванну с калиткой, и я с ума схожу от беспокойства, что она упадет и сломает бедро. – Сьюки вздохнула. – Простите, что я так расстроилась. Просто мы с моим мужем беднягой пережили четыре свадьбы, а тут еще и мои птички не летят к крыльцу питаться. Тут у меня засилье синих соек, и мне для полного счастья не хватает только очередного судебного разбирательства. У меня нервы в струну и без того натянуты. Ну скажите, что там такое?

– Простите, мэм. Я не имею права предоставлять такую информацию по телефону.

– Ой, ну пожалуйста, Хэролд, не тяните кота за хвост. Вы меня не знаете, но я и впрямь могу поехать крышей не на шутку – в любую минуту Это семейное проклятье Симмонзов. У дяди Бейби случилось прямо у нас на глазах. Вчера еще был президентом банка, а на следующий день уже плел корзины в «Милом холме». А тетя Лили была совершенно в своем уме и вдруг, без всякой причины, пальнула в разносчика газет. Слава богу, не попала, иначе сидела бы в тюрьме, а не там, где она сейчас.

– Как я уже сказал, миссис Пул, вы завтра утром получите письмо.

– Хэролд, да распечатайте его прямо сейчас и прочтите мне, а? Всех подробностей мне знать не обязательно, просто за что на нее подали в суд. Мы только что вложили все свои пенсионные сбережения в платеж за дом для нашей дочки Ли Ли и ее мужа. Он совершенная душа, но на жизнь зарабатывает игрой на цитре.

– О...

– Да... мы то же самое сказали. Но она его любит, что тут поделаешь? Ну и вот, мы теперь по уши в закладной. Можете хотя бы сообщить мне, какую сумму шьют моей матери, чтобы я как-то приготовилась? Я никому не скажу. Честно.

– Простите меня, пожалуйста, мэм, но я не уполномочен. Мне велено было установить текущий адрес и переслать письмо, вот и все. Это даже не мой отдел. Я просто замещаю.

– А, ясно. Ну хотя бы одним глазком гляньте и скажите мне, оно там в пределах ста тысяч долларов?

Тут он заговорил приглушенно, явно прикрыв трубку ладонью:

– Миссис Пул, мы с женой только что выдали замуж дочку, и я понимаю, что вам пришлось пережить. Не волнуйтесь, это не судебное.

– Нет? Ой, ну слава богу! Дай вам бог здоровья, Хэролд. Не знаю почему, но в отношении мамы я всегда предполагаю худшее, хотя, с другой стороны, может же быть и что-нибудь хорошее, верно? – Хэролд ничего не ответил, и настроение у Сьюки внезапно улучшилось. – Погодите-погодите. Может, она конкурс какой выиграла? Вы случайно не от Издательской расчетной палаты?[9 - Американская компания директ-маркетинга, торгующая сувенирной продукцией, подпиской на журналы, а также проводящая лотерейные розыгрыши; основана в 1953 году] Мне ее притащить сюда утром, наряженную, в макияже или как-то? Мне нужно знать, потому что она точно захочет прическу Фотографы будут? А журналисты?

– Нет, мэм.

– О... ну... ну хоть намекните, чего мне ожидать?

В телефоне надолго замолчали, а потом Хэролд сказал:

– Миссис Пул, я могу сказать лишь одно... Вы – не та, кем себя считаете. – И с этими словами повесил трубку.

Сьюки так и села. Сказанное звенело у нее в ушах, но тут в заднюю дверь кто-то забарабанил. Она поднялась, и щиколотку заломило хуже прежнего, однако Сьюки доковыляла до двери и открыла; на пороге стояла Нетта в халате и глядела на Сьюки странно.

– Милая, все в порядке? Я видела, как ты носишься по двору, чем-то будто расстроенная. Попыталась тебе дозвониться, но было занято. Ты забыла на улице вот это.

Сьюки забрала у нее свою туфлю.

– Спасибо, Нетта.

– Все хорошо?

– Да, Нетта. Я просто хотела выдумать кое-что новенькое с кормлением птиц, а тут позвонил этот человек, сказал про какое-то заказное письмо для Ленор, да и к тому же я, кажется, потянула щиколотку Заходи же.

- Нет, не могу, я еще в халате. Пойду-ка я домой, но ты звони, если что.

Проводив Нетту, Сьюки выглянула во двор перед крыльцом – проверить, как там птицы, – и в смятении обнаружила, что весь двор превратился прямо-таки в синее море. Будто у нее тут заповедник синих соек. Ее так отвлек звонок, что она и не знала теперь, досталось ли мелким пташкам хоть что-то. Тьфу ты. Завтра нужно будет еще разок попробовать.

Она доскакала до кухни, сложила в полотенце лед и обернула лодыжку. Сидя с Ку-ку на коленях, раздумывала о звонке и о том, что сказал тот человек. «Вы – не та, кем себя считаете». И тут до нее дошло. Он, должно быть, из «Свидетелей Иеговы» или еще какой-нибудь религиозной группы. Вечно они оставляют у их порога буклеты и спрашивают: «Вы знаете, кто вы?» или «Вы знаете, кто ваш отец?» Господи. Она вдруг почувствовала себя душой. Ну что она за идиотка – взяла и вывалила ему столько всего личного про семью.

Но с другой стороны, она знала свою мать. Человек мог звонить с сайта ancestors.com или еще какой-нибудь компании, занятой выращиванием генеалогических древ. Сьюки видела их рекламу, та тоже вопрошала: «Кто вы?» да «Как считаете, вы кто?»

Чем больше она обо всем этом думала, тем больше ей казалось, что это Ленор опять пытается раскопать корни семьи Симмонз. «Я просто уверена, что мы как-то относимся к королевской фамилии. Вот прямо костями чувствую», – говорила она. Сколько Сьюки себя помнила, мама изучала этот вопрос и так и эдак, но до сих пор ничего не обнаружила. Даже Ди Ди стала одержима тем же и повесила фамильный герб Симмонзов у себя дома над камином.

Утро шло себе дальше, и Сьюки попыталась расслабиться и выбросить из головы этот звонок, но ее по-прежнему что-то тяготило. Ее беспокоило слово «заказное». Она не любила звонить Эрлу на работу, но все же набрала номер; ответила секретарша:

- Приемная доктора Пула, чем могу?

- Привет, Шерри, это я. Можешь попросить его снять трубку? У меня к нему короткий вопрос.

- Конечно, побудьте на линии. Звякну ему. Как мама?

- Хорошо, спасибо.

- Вот и славно. Подождите.

Через несколько секунд Эрл ответил:

- Привет, все в порядке?

- Да. Мне надо у тебя кое-что спросить.

- Милая, я тут зуб пломбирую.

- Хорошо, я быстро. Только что звонил кто-то из Техаса и сказал, что назавтра придет какое-то заказное письмо для Ленор. Мне волноваться? Сказал, что он не юрист.

- Ну, тогда нет.

- Как думаешь, о чем письмо?

- Понятия не имею. Видимо, какое-нибудь жулье пытается что-то продать или хочет, чтобы она куда-нибудь вступила.

- То есть мне не волноваться?

- Нет, выбрось из головы.

- Но оно заказное.

- Ну, милая. Не расписывайся в получении.

- А это разве не противозаконно?

- Нет. Просто скажи Питу, что не будешь расписываться. Вот и все. Миленькая, мне правда пора. Вечером увидимся, ладно?

- Эрл, может... Просто не открыть дверь?

- Хорошо.

- Но он же записку оставит и попытается еще раз вручить, разве нет?

- Милая, делай как хочешь. Не открывай ему или просто подпишись и выкинь. Может, обычная реклама. Ладно?

- В общем, не волноваться?

- Нет.

- И не обязательно его принимать?

- Нет. Плюнь. Мне пора. Люблю тебя.

Сьюки положила трубку и улыбнулась. Эрл всегда знал, как ее утешить. Даже щиколотка болеть перестала.

Среда

8 июня 2005 года

Сьюки проснулась, спланировала себе день. Решила, что на этот раз попробует разнообразить свой замысел с птицами и насыплет подсолнечник не во все кормушки, а через одну. Есть надежда, что мелкие птицы сообразят поесть, пока

синие сойки будут заняты подсолнечником. Она покормит птиц, потом отправится в город в турагентство и узнает, какие есть поездки и круизы. Второй медовый месяц – красота! Ее брат Бак с женой все время ездят в круизы, и накануне Сьюки позвонила Банни в Северную Каролину и попросила совета. Банни сказала, что Прага – «новый Париж», но Сьюки не видала и старого. Она вообще мало где бывала, если не считать колледжа и поездок по магазинам, так что куда бы Эрл ни решил махнуть, ей все сгодится.

В 8.1 °Сьюки наполнила кормушки и, в тех же розовых туфлях, устроилась на заднем дворе за деревом и с биноклем, – но тут вдруг кто-то подошел сзади и похлопал по плечу. Она чуть ли не на пять футов подпрыгнула. То был почтальон Пит.

– О господи, Пит! Ты меня напугал едва ли не до смерти!

Пит, высокий тощий дядька в серых шортах, смутился:

– Извини. Я стучал в дверь, но ты не открыла. – Он залез в сумку и добавил: – У меня тут заказное письмо, но сначала полагается у тебя спросить: «Вы миссис Эрл Пул-младший?»

Сьюки вздохнула. Пит носил им письма всего-то последние тридцать лет.

– Нет, Пит, я королева Румынии. Конечно, это я. Ты знаешь, кто я.

Пит очень серьезно относился к своим обязанностям.

– Да знаю, но это официальное письмо, стало быть, надо спрашивать. Есть ли у тебя полномочия расписываться за миссис Крэкенберри?

– Да. Мне вот что интересно, – ответила Сьюки, – почему ты явился в такую рань? Ты разве не с той стороны пирса начинаешь доставку?

– Правильно, но я подумал, что, может, письмо важное, и потому к тебе пришел в первую очередь. Вот тут распишись.

– Прости, Пит, что тебе пришлось тащиться в такую даль, но я не хочу за него расписываться.

Пит совершенно обалдел:

– Но... оно же заказное.

– Я понимаю, но Эрл сказал, что мы не обязаны, если я не хочу.

– О... что ж... хм... Никогда такого не бывало... видимо, напишу уведомление о первой попытке доставки и завтра еще раз попробую.

– Но я и завтра его принять не захочу.

– Официально мне положено попытаться его доставить трижды.

– Пит, оно мне не нужно. Я даже не знаю, от кого оно.

– Хе... ну, как хочешь. Но, знаешь, не очень красиво – кто-то уж очень расстарался, потратился, чтобы ты его получила. Может, там что-то важное... Похоже на какие-то медицинские выписки.

– Пит! Я правда не желаю знать. Я сейчас занята, я планирую отпуск. Ты в курсе, что мы с Эрлом нигде не были вдвоем аж с 1970 года? И с чего ты взял, что это медицинские выписки?

– Потому что это от Техасского отдела здравоохранения. Вот я и подумал, что это какие-то данные про здоровье.

– Техасский отдел здравоохранения? Ну и дела. Чего им надо?

– Не знаю, – ответил он, разглядывая увесистый конверт. – Никто никогда не болел, не попадал в больницу в Техасе?

– Нет. Я родилась в Техасе... но...

- Ну вот пожалуйста. Может, какой-нибудь просроченный счет или типа того.

- Ой, не представляю, чтобы счет так задержался. Ты же знал папу. Он всегда платил по счетам.

- Тоже верно. Может, возврат переплаты?

- Пятьдесят девять лет спустя? Вряд ли.

- Ну, если оно тебе точно не нужно, я тебе оставлю квитанцию о попытке доставки и пойду.

- Хороню, спасибо, Пит. Извини.

Пит ушел, и Сьюки осмотрела двор. Опять он кишел сойками. Ни единой маленькой птицы. План явно провалился или даже хуже того – все испортил. Пташки, может, собрали вещички и больше никогда не вернутся, да и за что их тут винить? Очень грустно это – они были ее любимцами, сами про то не ведая.

Чуть погодя, устроившись в ванне, Сьюки изо всех сил попыталась забыть о письме, но оно по-прежнему занимало ее мысли. Было бы проще, если б Пит не помахал конвертом у нее перед носом и не ляпнул, от кого оно. Вот напасть-то! Сегодня ей хотелось только расслабляться и ни о чем не думать. Ясное дело, письмо касается ее матери, но о чем оно? Сьюки и вообразить не могла. Ленор болела или попала в больницу, пока жила в Техасе? Она никогда об этом не упоминала. Может, это такое, чего Ленор не желала ей рассказывать? Все кругом говорили, какой молодой и красивой она выглядит для своих лет. Может, она в Техасе сделала себе мощную подтяжку? Или сбила кого-нибудь и там положила в больницу? Ленор водила машину из рук вон плохо и хотя бы по разу наехала на каждого жителя Пойнт-Клиэр. А может, у нее с головой что-то стряслось, как у тети Лили, и ее сдали «куда надо»? Могла Ленор угодить в психушку? О боже мой.

Когда Сьюки оделась и накрутилась, воображение выкрало ее окончательно. Она и опомниться не успела, а уже приехала в город на почту с розовой квитанцией о доставке, забрала письмо и возвращалась с ним к себе. Ни в

книжный магазин, ни в турагентство так и не заглянула. Послание лежало рядом на сиденье, и Сьюки посматривала на него всю дорогу домой. Да, так и есть – поперек всего конверта значилось: «Техасский отдел здравоохранения» и, толстыми черными буквами:

«СОДЕРЖИТ ЛИЧНЫЕ КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ».

В 5.15 вечера в дом вошел Эрл.

– Привет, любимая. Я дома.

– Привет, милый, – ответила она, не давая ему присесть. – Эрл, знаю, ты сочтешь меня дурой, но я прождала твоего возвращения весь день. Посиди со мной, пожалуйста, пока я буду вскрывать письмо.

– Какое письмо?

– Заказное.

– А. Я решил, что ты не собираешься за него расписываться.

– Ну... Я попыталась... но, в общем... хотела, чтобы ты был дома.

Эрл улыбнулся:

– Ладно, милая. Сейчас вот налью себе выпить и сразу вернусь.

Сьюки устроилась на веранде, присев на диван, и дождалась, пока он вернулся и сел напротив.

– Ну хорошо, открывай, посмотрим, что там у нас.

Глубоко вдохнув, Сьюки открыла конверт и прочла сопроводительное письмо.

Миссис Ленор Симмонз Крэкенберри

Для вручения через миссис Эрл Пул-мл.

526, Бей-стрит

Пойнт-Клиэр, АЛ 36564

Наша контора получила прилагаемое письмо, и в соответствии с запросом пересылаем его Вам.

Х. Уилсон

На вложенном конверте стоял штамп Матамороса, Мексика, и он был подписан от руки неровными, почти детскими каракулями. Внутри Сьюки нашла письмо, написанное тем же почерком.

20 мая 2005 года

Уважаемая миссис Крэкенберри,

Здравствуйте. Я дочь Кончиты Альварес, работавшей у вас в Браунсвилле, Техас, во время войны. С прискорбием сообщаю, что моя мать скончалась прошлой весной в возрасте восьмидесяти пяти лет. Разбирая ее вещи, мы обнаружили эти бумаги, которые она хранила для Вас. Похоже, что-то важное. Кажется, они Вам могут пригодиться. Я не знаю, где Вы живете. Отправляю их туда, откуда они пришли, чтобы оттуда их могли переслать Вам. Мама Вас очень любила. Рассказывала, какая Вы была красивая.

Искренне Ваша,

миссис Вероника Гонсалес

– Ох, да боже ты мой, – сказала Сьюки.

– Что?

– Дама из Техаса, работавшая у матери, померла, а ее дочь нашла какие-то старые бумаги Ленор и переслала их нам. Очень мило с ее стороны.

– А что за бумаги?

– Пока не знаю. Ну-ка. – Сьюки взялась за следующий листок. И тут осознала, что лежит на полу, а Эрл стоит над ней и обмахивает газетой.

– Все в порядке, милая, ты упала в обморок. Расслабься и дыши глубже. Не разговаривай.

Рядом с ней на полу лежала страница, которую она только что прочла.

8 октября 1952 года

Уважаемая миссис Крэкенберри,

В связи с недавним смягчением военными властями некоторых ограничений в части Акта о неразглашении медицинских данных детей, а также в ответ на Ваш запрос от 6 января 1949 года мы теперь уполномочены выслать вам фотокопии исходного свидетельства о рождении Вашей дочери, включая все медицинские записи о состоянии здоровья матери, какие есть в нашем распоряжении, вплоть до даты ее удочерения из Техасского детского дома. Надеемся, эта информация поможет медикам, занимающимся Вашим здоровьем и здоровьем Вашей дочери, в определении рисков любых наследственных заболеваний. Пожалуйста, обращайтесь, если у Вас возникнут дальнейшие вопросы.

Искренне Ваша,

Кэти Кихано,

директор службы здравоохранения

К нему приложены:

- свидетельство о рождении

- медицинская карта

- документы по удочерению

Несколько минут спустя Эрл помог Сьюки устроиться на диване, и она, с влажным полотенцем на лбу, попыталась вникнуть в то, что прочитала только что. В голове застряло только «ее удочерение».

Эрл вернулся с бумажным пакетом, чтобы она в него подышала, и со стаканом бренди.

- Давай, милая, выпей немножко. - Он глядел на нее обеспокоенно и поглаживал по руке.

- Ты прочел? - спросила она.

Он кивнул:

- Да, дорогая, прочел. Вот так новости они вываливают.

- Но что это значит?

Он подобрал письмо и прочитал еще раз.

- Ну что, милая... Боюсь, это значит именно то, что написано. Очевидно, тебя взяли... тут все бумаги... из Техасского детского дома... 31 июля 1945 года.

- Но, Эрл, этого быть не может. Какая-то ошибка.

Эрл проглядел бумаги и покачал головой:

- Нет, милая... Не думаю. Все вполне официально, и вся информация сходится.

- Но тут все равно ошибка. Не могли меня удочерить. У меня симмонзовские ступни и папин нос.

- Ну... может, и нет.

- Но с чего? Что там еще сказано? Ничего не понимаю.

- Милая... ты дыши, а я пока посмотрю еще раз. - Он углубился в документы, а Сьюки все дышала в бумажный пакет, но выражение его лица ей не нравилось.

- Ну? - спросила она между вдохами.

Он взглянул на нее:

- Ты уверена, что готова ко всему этому? Для одного дня тут слишком много информации.

- Да... конечно. Уверена.

- Дай слово, что не разволнуешься и не упадешь в обморок, иначе я не буду ничего дальше читать.

- Даю.

- Что ж... медицинская карта у тебя хорошая. Ты была очень здоровым младенцем.

- А еще?

Эрл взял в руки свидетельство о рождении:

- Ну вот здесь говорится, что твою маму звали Фрици Уиллинка... а фамилия, кажется, вроде... Юрааблалински. Или что-то в этом роде.

- Что?

Он проговорил фамилию по слогам.

- Господи боже! Что это вообще за фамилия?

- Хм... ну-ка, ну-ка. А, национальность матери... полячка.

- Что?

- Польская.

- Польская? Да я даже языка польского не знаю.

- Погоди... тут написано... место рождения матери - Пуласки, Висконсин... 9 ноября 1918 года. Вероисповедание матери: католическое.

- Католическое? О боже. А про отца что говорится?

Эрл вчитался и тихо проговорил:

- Хм... тут написано, что он неизвестен.

- Неизвестен? Как же это? Что это значит?

- Не могу сказать. Может значить много чего. Вероятно, она не хотела о нем сообщать... Не знаю.

Сьюки вымолвила:

- О боже мой, Эрл... Я внебрачная. Я незаконнорожденная польско-католическая личность!

- Ой, будет тебе, милая... успокойся. Мы про это ничего не знаем. Не будем делать поспешных выводов.

- Ну же, Эрл, когда люди женятся, отец не может быть неизвестен, верно? Она хоть имя-то мне дала?

- Минутку. Да, вот. Твое имя при рождении... Джинджер Ябервиснски или как оно произносится вообще... и родилась ты в 12.08 пополудни четырнадцатого октября 1944 года, вес... восемь фунтов и семь унций.

Сьюки медленно села и вымолвила:

- Эрл, это ошибка.

- Что?

- 1944-й.

- Ну, милая, тут так написано. Четырнадцатого октября 1944 года. Смотри, черным по белому.

Сьюки, похоже, все это потрясло до глубины души.

- Эрл, ты понимаешь, что это значит? Господи боже, да мне шестьдесят лет! Господи боже, я ведь старше тебя! Господи боже!

- Ладно-ладно, милая, ты успокойся... подумаешь, ничего такого.

- Ничего такого? Ничего такого? Ложишься спать и думаешь, что тебе пятьдесят девять, а на следующий день оказывается, что тебе шестьдесят! - Сьюки почувствовала, как от лица медленно отливает вся кровь. Эрл вовремя успел ее поймать, иначе она бы свалилась с дивана еще раз.

Через несколько минут, придя в себя и выпив еще немного бренди, Сьюки, за всю жизнь не позволившая себе почти ни единого грубого слова, глянула на Эрла и выпалила:

– Кто они вообще, эти Мудобралинские?

И впрямь – кто?

Пуласки, Висконсин

Станислав Людвик Юрдабралински прибыл в Чикаго 5 января 1909 года. Первые несколько лет в Америке он таскал бочки с пивом в местной пивоварне, а по ночам учил английский. Позднее Станислав нашел работу получше – на стройке Чикагской и Северо-Западной железной дороги, проходившей от Грин-Бей, Висконсин, через маленький городок под названием Пуласки.

В те времена Пуласки, Висконсин, был крошечной деревней польских иммигрантов, которых заманил сюда ушлый немецкий землевладелец. Купив землю, он взялся распространять буклеты по всем польским кварталам шахтерских поселений вокруг Чикаго, Милуоки и Пенсильвании в надежде продать земельные участки множеству польских иммигрантов – желал устроить эдакую «маленькую Польшу» в Америке, с костелами и школами. Он даже назвал городок в честь князя Казимира Пулавского, польского аристократа, сражавшегося бок о бок с американскими патриотами в Войне за независимость, – для пущей привлекательности. Первая группа новых землевладельцев прибыла в Пуласки и обнаружила, что костелы и школы, отреставрированные в буклетах, еще предстоит построить, и потому они взялись за дело – и построили их.

В 1916 году Станислав Юрдабралински прибыл в Пуласки, строя железную дорогу: он укладывал рельсы. Пока был в городе, жил в милой польской семье, где была симпатичная восемнадцатилетняя рыжеволосая дочка. Через несколько недель укладка дороги двинулась дальше, а Станислав – нет. Он остался и осел в Пуласки с молодой женой, Ленкой Мари.

Станислав тяжелой работы никогда не гнушался и очень стремился зарабатывать деньги, а потому днем вкалывал на лесопилке, а ночью – на консервной фабрике. Вдобавок по воскресеньям, после церкви, стал готовиться

к получению гражданства Соединенных Штатов. Сидя в маленькой съемной комнате над булочной Хлински и штудируя Конституцию и Декларацию независимости, он так воодушевлялся, что читал жене вслух:

- Ленка, ты только послушай. Тут написано: «право на жизнь, свободу и стремление к счастью». Только представь, Ленка. Наша страна хочет, чтобы мы были счастливы... и ты будешь счастлива. Как только разбогатею, сразу куплю тебе шубу.

Ленка смеялась:

- Нам дом надо сначала купить.

- А после того, как я стану гражданином, получу право говорить что захочу, и меня никто не арестует, и я смогу купить дом, и его у меня никогда посмеют не отобрать.

Ленка его поправила:

- Никогда не посмеют отобрать.

- Точно. И у меня будет свое дело, как у мистера Спирпински. Подумать только, Ленка, отныне все наши дети будут американцы, и наши внуки, и их дети.

Ленка, к тому времени уже два месяца как беременная их первенцем, урезонивала его:

- Станислав, уймись и учись.

День главной гордости всей жизни Станислава – когда он отправился в Грин-Бей получать гражданство Соединенных Штатов. Не успел он принести клятву, как тут же схватил жену за руку и помчался к громадному дому суда по соседству – подать заявление на американский паспорт. Ленка, едва за ним поспевая, спросила:

– Зачем тебе паспорт так скоро, Станислав? Мы еще невесть когда поедем куда-нибудь.

– Знаю, – сказал он. – Но когда окажусь в Польше, я хочу, чтобы они видели, как давно я уже гражданин.

Через несколько недель, когда паспорт наконец прибыл по почте – с радостной фотокарточкой внутри, Станислав обошел весь город и показал паспорт всем, кого встретил. Он тыкал в графу с ростом и спрашивал:

– Вы знаете, у кого рост шесть футов четыре дюйма? У мистера Эйбрэхэма Линколна, вот у кого!

Через несколько недель Ленка родила их первенца – темноглазую малютку с черными кудрями, которую они назвали Фрици Уиллинкой Юрдабралински, и она стала отцовой гордостью и радостью. К досаде Ленки, тот по временам приходил с работы, сгребал дочурку из кровати и тащил в город, в таверну «Тик-так» – хвастаться.

Двумя годами позже родился сын, его назвали Венцентом Станиславом Здиславом Юрдабралински, а еще через год родились дочери-близнецы. Одна появилась на свет за несколько секунд до полуночи 31 мая, а вторая – через пол минуты, уже 1 июня, и потому девочки получили имена Гертруд Мэй и Тула Джун. Два года спустя родилась младшенькая, Софи Мари.

Близнецы и их младшая сестра пошли в мать – рыжие, а Венцент, которого в семье звали Винком, вышел крепким блондином. Станислав гордился всеми детьми, но старшая, Фрици, была ему звезда очей. Когда ей было пять, он сажал ее на плечи и гулял с ней по Главной улице, а всем встречным показывал купчую на землю, за которую он так тяжело работал.

– Глядите, – говорил он. – «Продано Станиславу Юрдабралински, два акра». У меня теперь есть земля... что скажете?

Люди в городе любили Станислава. Он всегда был дружелюбным славным малым, на такого можно было полагаться.

Через несколько лет они получили ссуду в банке, и с помощью друзей Станислав отстроил двухэтажный кирпичный дом с большой кухней и длинной просторной верандой. В ближайшие годы, желая еще подзаработать, Ленка, отличный повар, взялась продавать польскую выпечку и колбасы окрестным столовым и готовить для больших церковных событий, а кроме того – растила детей. Было непросто. Оказалось, что старшая, Фрици, – не фунт изюма. Вечно заводная, она прыгала и носилась, играла в мяч с мальчишками, висла на деревьях, прыгала с двадцатифутовых лестниц на спор и вообще оказалась хвостушкой. Но в глазах отца Фрици была ангелом. Ленка рассказывала ему, что успела натворить за день его дочь, а он только смеялся. Даже когда монахини призвали их побеседовать о манере Фрици затевать со старшими мальчиками драки на игровой площадке, Станислав, добрый католик, кивал и делал серьезное лицо. Но потом не сказал Фрици ни слова.

Ну и что с того, что она чуточку буйная? Чувал он, что эта девчонка еще заявит о себе. Он знал, Ленке хотелось бы, чтобы одна из дочек стала монахиней, но Станислав был почти уверен, что это не Фрици.

Меж тем в Пойнт-Клиэр

Эрл все еще сидел со Сьюки, изо всех сил пытаясь ее успокоить, но без толку.

– Ой, Эрл... моя жизнь кончена. Пока я жива, ничто уже не будет как прежде.

– Ох, милая...

– Я не та, кем себя считала... и никогда больше не буду.

– Понимаю, это большое потрясение. Для меня тоже, милая. Но давай найдем в этом хорошее.

– Что именно?

– Ну, для начала, разве ты ни капельки не рада, что ты все-таки не Симмонз?

- Нет, не рада! Пока была Симмонз, я, по крайней мере, знала, кто я такая и о чем мне беспокоиться. А теперь не знаю, кто я... и о чем мне беспокоиться. Меня будто похитили инопланетяне. - Сьюки вдруг задохнулась и схватилась за грудь:
- О господи... Кажется, у меня сердечный приступ. О господи... Я умру и так и не узнаю, кто я!

- Сьюки, успокойся. Нет у тебя приступа. Все с тобой хорошо.

- Нет, Эрл, не все... Я чужая в собственном доме!

Эрл дал ей подышать пару минут в бумажный пакет, она немного успокоилась, но сердце у нее все еще колотилось, кружилась голова. Она вдруг стиснула его руку:

- Эрл, ты теперь знаешь, что я - это не я... ты меня разлюбишь?

- Нет! Ты моя жена, я тебя люблю. Ты всегда будешь тем же чудесным человеком, каким всегда была. Ничто не изменилось.

- Как ты можешь такое говорить? Изменилось все. Я теперь совсем другой человек, даже не тот, кем была несколько минут назад.

- Вот и нет.

- Вот и да! Вчера я была человек английского происхождения и южно-методистского вероисповедания, а сегодня - польско-католическая личность и безотцовщина.

- Ой, милая, ну вдумайся. Если бы ты ничего не узнала, разве не была бы ты тем же самым человеком?

- Но я же узнала... и теперь знаю, что я - не я. Как же теперь опять стать собой? Да я собой вообще никогда не была! Не понимаю, как ты можешь так спокойно говорить. Ты был женат на мне все эти годы, а сам и не знал, кто я такая и кто мои родители.

- Милая, это не имеет значения. Я люблю тебя. А не твоих родителей.

– Но... а как же дети? Я, может, дочь преступника или серийного убийцы. Кто знает. (Эрл рассмеялся.) Ничего забавного, Эрл. Ты смейся, конечно, но это у меня гены двух совершенно чужих мне людей носятся по всему организму. Я знаю про ДНК – это имеет значение.

– Ох, милая...

– Нет, правда, вот ты бы как себя чувствовал, если б не знал, кто ты такой?

– Но, милая... мы же знаем. Тут вот прямо написано, что ты – дочь Фрици, фамилию произнести не могу, но она-то и была твоей матерью.

– Да, но я с ней незнакома. И не опознала б, даже если бы на нее упала. Она могла быть Дорис, продавщицей помидоров, запросто!

Чуть погодя Эрл наконец смог усадить Сьюки и скормить ей немного супа и кусок тоста, но она ревела и сморкалась весь ужин напролет.

– В голове не помещается, что я не Симмонз. Неудивительно, что я никогда не была хорошенькой.

– Сьюки... ты очень хорошенькая.

– Не как Ленор...

– Нет, иначе... но настолько же, если не более. Не понимаю, почему ты никогда мне не верила.

Но Сьюки не слушала.

– Я даже не Крэкенберри. Неудивительно, что я никогда не была такой умной, как Бак.

– Сьюки, милая, ты умница.

– Нет, не умница. Я проваливала алгебру три года подряд. Это, по-твоему, умница, Эрл?

После супа Сьюки все перечитывала и перечитывала документы, час за часом, и чувствовала себя как в «Сумеречной зоне»[10 - Американский научно-фантастический сериал Роба Сёрлинга о паранормальных явлениях на телеканале Си-би-эс, транслировался с 1959 по 1964 год.]. Все казалось нереальным. Она понимала, что ребенок со странным именем, указанный в свидетельстве о рождении, – вроде бы она, но ей никак не удавалось в это поверить. Эрл ужасно маялся и все заглядывал к ней, спрашивал, не помочь ли чем, но чем тут поможешь.

Примерно в половине четвертого Эрл настоял, чтобы она легла спать. Но даже после того, как Эрл выключил свет, ее мысли продолжали мчаться со скоростью миля в минуту. Говорят, когда умираешь, вся жизнь проносится перед глазами. Видимо, что-то подобное происходило и с ней. Каждый раз, когда она пыталась успокоиться и уснуть, какой-нибудь случай из детства вспыхивал перед глазами, и она вспоминала, как старалась угодить матери, сделаться той Симмонз, какой хотела Ленор. Волосы у нее всегда были темно-рыжие и прямые, и она помнила, как Ленор по утрам пыталась причесать ее и как смотрела разочарованно и приговаривала: «И унции кудрей не наберется». Она думала, сколько часов проторчала в парикмахерских, делая эти вонючие перманенты, превращая волосы в сплошную кучерявую копну, лишь бы матери понравилось, иначе та плюнет да и обстрижет ее до короткого боба с челкой. Всю свою жизнь Сьюки смотрелась либо как Сиротка Энни[11 - Героиня одноименного американского комикса Хэролда Грэя; первая публикация состоялась в «Нью-Йорк тайме» в 1924 году], либо как голландский мальчонка, каких рисуют на банках с краской.

Не нравилось Ленор и то, что у Сьюки темные волосы, и хотя бы раз в неделю она глядела на них и молвила с эдаким сожалением: «Ну конечно, в твоём возрасте я была пшеничной блондинкой. И с чего у тебя волосы так потемнели? Светлые были у тебя маленькой...»

Сьюки даже попыталась как-то раз перекраситься в пшеничную блондинку, но вышел очень неприятный розовый оттенок. Почти весь первый класс в старшей школе ей пришлось пережить с ярко-розовыми волосами – задолго до моды на ярко-розовые волосы. А толку?

Конечно, это все ей снится в кошмарном сне, а назавтра она проснется и все встанет на свои места. Ну не может это быть правдой.

Жизнь продолжается

Пуласки, Висконсин

1928 год

После Первой мировой войны сонный буколический мир провинциальной Америки начал меняться, а виной тому стал человек по имени Генри Форд. Изобретя первую «модель Т», он поставил Америку на колеса; дороги строились, автомобили совершенствовались, а люди, никогда прежде не выбиравшиеся дальше предместий своих городов, вдруг тысячами ринулись путешествовать. Не успевали прокладывать трассы, а тут вдруг семейные автомобильные поездки стали последним пискom моды. Американцы тех времен – первопроходцы и врожденные любители приключений, а потому вскоре они начали кататься по всей стране. Если б можно было выстроить дорогу через океан, они бы добрались и до Европы, и до Южной Америки.

Новые предприятия – кемпинги, турбазы, гостиницы, мотели и рестораны – расплодились по всей стране, всё для удобства туристов в пути.

В 1920 году в Штатах было всего 15 000 заправочных станций, но уже к 1933-му – 170 000.

Было ясно: за автомобилями будущее, а значит, что может быть лучше заправочной станции? Бензинщики продавали франшизы направо и налево. А у Станислава Юрдабралински был идеальный участок для заправки – пустырь за домом. И вот он, вложив сбереженное, взял еще одну ссуду в банке, закончил двухнедельные курсы по управлению станцией техобслуживания и получил униформу «Филлипса-66»[12 - Американский холдинг, производящий жидкое топливо и нефтехимические продукты, основан в 1917 году], с фуражкой и черным кожаным галстуком-бабочкой; вскоре в Пуласки открылась новехонькая

круглосуточная станция техобслуживания и автозаправки.

Станислав очень гордился наконец открывшимся семейным делом, но когда решал, как назвать станцию, постановил, что «Филлипс-66 семейства Юрдабралински» – длинновато, и потому назвал ее «Филлипс-66 Винка» – в честь сына, который когда-нибудь ее унаследует.

В ночь открытия, когда над колонкой загорелся большой круглый подсвеченный шар, вся семья часы напролет смотрела, как он светится в темноте. Папуля, перебравшийся ночевать на кушетку внутри станции, желая им спокойной ночи, включил и выключил неоновую надпись «Открыты всю ночь» в витрине.

С тех пор вся их жизнь сосредоточилась вокруг автозаправки. Бодрый шум легковых и грузовиков, круглосуточно подкатывавших к станции, означал, что папуля занят, и это хорошо. Винк и девчонки все детство играли с колесными колпаками, шлангами, старыми свечами зажигания и покрышками, вдыхали запахи бензина. Было весело. Когда Фрици было одиннадцать, а Винку – девять, они уже умели менять колеса, заливать бензин и давать сдачу на кассе. Вскоре Юрдабралински стали известны просто как Семья с Автозаправки. В каждом городе была такая... ну или вскоре появилась.

1936 год, после того как на страну обрушилась Великая депрессия, оказался чудовищным, однако семейству Юрдабралински все удалось лучше многих: у них были молоко и сыр с близлежащих ферм и яйца из-под кур, которых мамуля держала на заднем дворе. А еще у них был Винк – он вырос в здорового сильного парня, любил охоту и рыбалку, и потому еда с их стола никогда не пропадала.

Станислав добыл себе окружной контракт и заправлял теперь муниципальный транспорт – пожарные и полицейские машины, снегоуборщики и все школьные автобусы, – а также обслуживал его, и потому, когда многие автозаправки по стране позакрывались, станция «Филлипс-66 Винка» сумела выжить.

Летом 1937 года в доме Юрдабралински унынием и не пахло. По четвергам мамуля играла в ансамбле аккордеонисток Пуласки, и четыре вечера в неделю они репетировали в гостиной. Младшие девочки участвовали в школьном аккордеонном ансамбле и тоже подыгрывали, а после школы старшеклассники

собирались у них на просторном чердаке над вторым этажом с громадным патефоном на столе в углу, танцевали и играли в настольный теннис.

Фрици и ее сестры уже вошли в возраст, и мальчишки либо постоянно болтались вокруг автозаправки, либо сидели на крыльце большого двухэтажного кирпичного дома по соседству.

Даже у Винка, работавшего с отцом на станции после школы, имелись воздыхательницы, и они набивались в машины и прикатывали поглазеть да похихикать, куда он устраивал их автомобилю полное техобслуживание: мыл стекла, проверял масло, воду, антифриз и аккумулятор, подкачивал шины. Денег им обычно хватало на галлон четырнадцатипроцентного бензина, а иногда и всего на полгаллона. Одна местная девчонка, Энджи Бруковски, помладше Винка, брала у своего отца машину, и они с подружками приезжали чаще обычного – даже когда денег на бензин не было никаких. Папуля говаривал, что шины у старика Бруковски проверяются чаще, чем у любой другой машины в штате Висконсин.

Но в доме Юрдабралински главным магнитом была Фрици – и для мальчиков, и для девочек. Она только что окончила школу, и в выпускном классе ее признали самой популярной ученицей, лучшей танцоршей, главной спортсменкой и заводилой; к тому же она подавала самые большие надежды. В старшей школе Пуласки Фрици и впрямь тянула на знаменитость. Папуля гордился ею, а вот мамуля переживала: если Фрици не сбавит обороты хоть на пять минут – никогда не найдет мужа. Когда не плавала, то играла в кегельбане, или всю ночь каталась на коньках на «Радужном катке», или гоняла бегом по дорогам – проверить, какую скорость могут набирать автомобили, или неслась в кино, а когда ничем подобным не занималась – курила сигареты. Мамуля нашла полпачки «Честерфилда», припрятанные в верхнем ящике шкафа. И, как обычно, когда папуля узнал о дочкиных проделках, он лишь пожал плечами:

– Она девушка современная, мамуля. Они все курят.

Мамуля надеялась, что осенью, когда Фрици пойдет работать на консервную фабрику, то осядет с кем-нибудь из местных мальчиков и уже не нужно будет так волноваться за дочь. Мамуля уже прочитала новену и помолилась об этом святому Фаддею.

Ну что еще?

Пойнт-Клиэр, Алабама

Четверг, 9 июня 2005 года

Наутро Эрл принес Сьюки завтрак в постель, сел рядом и спросил:

- Милая, хочешь, я отменю прием и останусь с тобой на весь день? Я готов. Мне кажется, тебе не стоит быть одной.

- Нет, иди на работу. Мне надо все обдумать и решить, как быть дальше.

- Хорошо, дело твое... но позвонишь мне и скажешь, как себя чувствуешь.

Эрл уехал, и Сьюки задремала на часок, но потом, проснувшись, все еще чувствовала себя совершенно разбитой и встать не смогла. Позвонила Нетте, сказала простуженной и попросила ее покормить птиц. Все утро она пролежала в постели и проревела. Надо бы с кем-нибудь все это обсудить - с кем-нибудь, кто наверняка не проболтается Ленор, - и потому она перекатилась на кровати и позвонила старой соседке по колледжу Дене Нордстром в Миссури. Дена тут же сняла трубку.

- Дена, это Сьюки.

- Сьюки! Привет...

- Слава богу, ты дома. Ох, Дена, стряслось ужасное.

- Ой, что-то с Эрлом?

- Нет.

- С детьми?

- Нет.

- С матерью?

- Нет... со мной!

- Милая, что такое? Ты болеешь?

- Нет, - всхлипнула Сьюки. - Я - полячка!

- Что?

- Это долгая история... но... ой, Дена... позвонил этот человек из Техаса и сказал, что я - не та, кем себя считала, когда думала, что знаю, кто я такая. Но вчера я получила письмо и обнаружила, что меня удочерили, а Ленор - не моя родная мать, и папа тоже не папа. Но мало того... Я на год старше, чем думала. И я даже не Лев. Всю свою жизнь я читала не тот гороскоп.

- Погоди минутку... ты уверена?

- Да, уверена. Октябрь - это Весы.

- Нет-нет... я про удочерение.

- Да, тут все написано. Прямо передо мной. Тут говорится, что 31 июля 1945 года мистер и миссис Олтон Крэкенберри удочерили девочку по имени Джинджер... Юрдбберлнске или как-то еще по-польски. В общем... это я. Или та, кем мне полагалось быть. Так или иначе, моя настоящая мать родилась в Висконсине, а сама я, вероятно, еще и католичка в придачу. Сама знаешь, какие они шустрые по части крещения.

- Ух ты... ой... а что Ленор говорит?

- Я ей пока не сказала.

- О... ну а детям ты что-нибудь сообщила?

- Нет, ты первая, не считая Эрла, - я же понимала, что ты-то, жена психиатра, меня поймешь. Я просто так растерялась, меня будто предали. Ленор знала, что я не ее дочь, а сама все время вынуждала меня... обманом. И вечно мне из-за нее было худо, потому что я не как она. А я - не как она, потому что я - не как она! И вот, с ее же подачи, я с шестнадцати лет в «Дочерях Конфедерации»[13 - Объединенные Дочери Конфедерации - национальная организация в США, состоящая из женщин - потомков военнослужащих армии Юга; основана в 1894 году.], а сама даже родилась не на Юге. Я вообще янки. И, Дена... хуже всего вот что, - Сьюки опять всхлипнула, - я даже не «Каппа».

- В каком смысле? Конечно же, ты «Каппа».

- А вот и нет. Я самозванка. Мне нельзя на встречу «Капп». Придется отказаться от членства. Я его получила как наследница Ленор. Придется вернуть и значок, и все остальное.

- Ой, ну что за глупости, Сьюки, ты «Каппа», потому что ты всем нравилась. Мы же были вместе с самой недели пик[14 - Неделя приема студентов-первокурсников в «общества греческих букв»; насыщена событиями и мероприятиями, призванными познакомить новоприбывших друг с другом и со старшими членами организации.], помнишь?

Но Сьюки не слушала и продолжала болботать:

- О господи. Я даже в Загородный клуб Селмы вступила подложно. Я сказала Ленор, что не желаю никаких светских выходов, а она все равно продавала и позволила мне выставить себя идиоткой. Что люди подумают, когда обнаружится, что я не Крэкенберри и не Симмонз, а незаконнорожденная польская сирота-янки?

- Подожди. С чего ты взяла, что ты - незаконнорожденная?

- С того... тут написано, в моем свидетельстве о рождении: отец неизвестен.

- Ой... ну, Сьюки, людям теперь уже, в общем, плевать на такое.

– Но мне-то нет. И я себя чувствую самозванкой, выскочкой какой-то. Да помереть со стыда просто. Смотрю на себя в зеркало и вся свекольная от позора.

– Да почему же, Сьюки? Ты ничего плохого не сделала. Чего тебе стыдиться?

– Потому что ты же меня знаешь – я всегда гордилась своей честностью и открытостью, а тут вдруг обнаружила, что я подделка, а вся моя жизнь – одно сплошное вранье. Я теперь в глаза людям смотреть не смогу. Мне совершенно точно нужны серьезные лекарства. У меня, может, сейчас нервный срыв. Джерри дома? Может, попрошу его прислать мне каких-нибудь таблеток. Сколько они стоят?

– Сьюки, милая, да нет у тебя никакого нервного срыва. Потрясение просто. Вот и все. Я сама потрясена. Твое расстройство вполне объяснимо. Ну то есть, господи... кто б на твоём месте не расстроился? А что Эрл думает?

– Ой, он такой милый... Но я тебе так скажу: вот у кого будет истерика – так это у Ди Ди, когда она все узнает. Она же вечно бежит на кладбище, помогает ухаживать за могилой прадедушки Симмонза... и тут вдруг выясняется, что он ей совершенно чужой. О боже мой. Дена, откуда ж у меня взяться носу Ленор? Да и не папин у меня нос. Какого-то совершенно чужого человека. С чего я вообще решила, что похожа на папу? Пересмотрела вчера вечером семейные альбомы – совсем ничего общего ни с кем из них. Нет у меня и симмонзовских ступней. У меня ступни Ябервиснских!

– И что собираешься делать?

– Не знаю. Сплошной раздрай. Все с ног на голову. Я и думать-то не могу толком, что делать дальше. Сейчас, с таким сроком давности, что изменишь? Об этом надо сообщать в шесть лет, а не в шестьдесят. Все мои польские родственники уже небось померли. И кому придет в голову назвать ребенка Джинджер? У нас так ретривера звали. Короче, сплошное расстройство.

– Понятное дело. Но все-таки расстроилась ты или нет, ты же всегда говорила мне, что никогда не хотела походить на мать, – вот и не походишь. Разве не славно?

– Эрл тоже так сказал. И видимо, так и есть, но сейчас такое ощущение, что меня сбило поездом. Почему я не на год моложе? А вот и нет! Вчера мне было пятьдесят девять, а сегодня уже шестьдесят, к шестидесяти одному дело идет! Немудрено, что я выгляжу такой старой и усталой. Потому что я старая и усталая! Я самая старая сирота на свете. Господи, стыдобища какая. Хоть иди да с пирса прыгай.

– Сьюки, хочешь, я приеду и побуду с тобой? Я готова. Только скажи.

– Ой, это ужасно мило, но нет, никто тут ничего уже не поделает. Надо разбираться самой.

– Что ж, ладно, но ты же тем временем не натворишь никаких глупостей, правда?

– Не натворю, мне еще Картера женить и обустроить, а уж потом глупости.

– Сьюки, тут одной трудновато справляться. Может, тебе к профессионалам обратиться, чтобы помогли разобраться?

– Тебе-то везет. Ты замужем за психиатром. А я – за стоматологом.

– Хочешь, попрошу Джерри кого-нибудь для тебя найти?

– Нет. О таких вещах я с посторонними разговаривать не буду.

– Но, Сьюки... в этом-то и дело.

– Ладно, я подумаю, но сейчас, вот правда, никому кроме тебя об этом рассказывать не хочу.

– Хорошо, но, прошу тебя, звони и говори, как у тебя дела, идет?

– Идет.

Повесив трубку, Дена подумала было взять билет на самолет да и приехать в Алабаму, но Сьюки сказала, что хочет разобраться сама, – и, может, она права. Дена знала Ленор и всякий раз от нее просто балдела, но и Сьюки ей было в некотором смысле жалко: шутка ли – вдруг обнаружить, что удочерена. Сьюки всегда оценивала себя глазами Ленор. Сколько бы Дена ни пыталась говорить Сьюки, какая она отличная девчонка, та никогда этого толком не понимала. Хотя и была одной из самых веселых и любимых во всем студгородке, Сьюки так в себя и не поверила. Все ее обожали – кроме, похоже, ее самой.

Поговорив с Деной, Сьюки вспомнила, что надо бы покормить Ку-ку, и потому выбралась из постели и спустилась вниз. Пока открывала банку с тунцом, размышляла над словами Дены. Может, она и права, но в Пойнт-Клиэр всего один психиатр – доктор Шапиро, и он, очевидно, прежде никогда не имел практики в маленьком городе. Приемная его располагалась рядом с парикмахерской «Разз-чешем», и хоть зайди к Шапиро, хоть выйди от него – все об этом узнают. Сьюки уж точно к нему не ходок – в противном случае уже через пять минут об этом проведает весь город.

Даже Мобил недостаточно далеко – Ленор там знала слишком многих. За свою жизнь Крылатая Ника побывала председателем каждого комитета, известного человечеству, и была клубной дамой до мозга костей. Если в городе не было симпатичного ей клуба, она его учреждала и всегда оказывалась его избранным президентом. Но, как говаривала Нетта, «Ленор отлично умеет вести что угодно, так чего бы ей не вести?». Нетта, конечно, права. Ленор, похоже, родилась с председательской колотушкой в руке.

Остаток дня Сьюки все время поглядывала в зеркало. Она знала, что снаружи выглядит как обычно. И словом, и делом – тот же самый человек. Но она не знала, кто или что она изнутри.

Наконец позвонила Эрлу, и тот немедленно снял трубку.

– Эрл, у меня звенит в ушах. У меня случайно не инсульт? Такое ощущение, что он у меня может быть.

– Нет, милая, это просто стресс.

- Да, но сердце прямо выскакивает. Может, это приступ. Звонить в «скорую»?

- Нет, все в порядке. Дыши поглубже, милая. Послушай, мой последний пациент отменил посещение, и я постараюсь приехать поскорее.

Когда он вошел в дом, она, конечно же, обрадовалась. Чуть погодя ей даже удалось что-то собрать к ужину, но она все еще была рассеянна. Эрл не отходил от нее ни на минуту.

Позже, когда они улеглись, она попыталась уснуть, но все ворочалась с боку на бок. Даже Ку-ку надоело это терпеть, и она ушла на Эрлову половину кровати.

Но Сьюки ничего не могла с собой поделать. Все думала об этом человеке, которым была раньше, - о женщине в зеркале.

В конце концов Эрл повернулся к ней:

- Милая, уже двадцать минут пятого. Закрывай глаза и попробуй поспать.

- Хорошо-хорошо, но, Эрл, ты уверен, что это не сердечный приступ? Я прямо слышу, как оно бьется. Вот, попробуй. Может, мне поехать в больницу?

Эрл прощупал пульс и погладил жену по руке:

- Нет, детка, простое беспокойство. Попробуй уснуть, и все наладится. Честно.

Эрл оказался прав. Через несколько минут сердце и впрямь успокоилось. Слава богу, она вышла замуж за Эрла. Он был ее надежда и опора - и в горе, и в радости. Но и это Ленор сумела усложнить.

Выпускных оценок Сьюки не хватило для поступления в лучший колледж, как того хотела Ленор, но ее так просто не остановишь: в последний момент она пустила в ход кое-какие связи со своей старой подругой по сестринству «Каппа», и две недели спустя Сьюки отправили в Южный методистский университет Далласа - с новым гардеробом и наставительной запиской в кармане:

Сьюки, дорогая,

Не можешь быть умной – будь задорной. Мужчинам нравятся счастливые девушки. И, да, – свиданья, свиданья, свиданья! Популярные девушки тоже нравятся мужчинам.

С любовью,

мама

Не успела Сьюки прибыть в ЮМХ для нее тут же началась неделя пик, и благодаря протекции Ленор она немедленно стала членом «Каппы». А погодя, в соответствии с материнскими наставлениями, вступила и во все остальное, что подвернулось под руку И, бог свидетель, на свиданья бегала утром, днем и вечером. Ко второму курсу она уже чуть не угробила здоровье в снискании популярности, а то, что ее соседку по комнате Дену Нордстром выбрали самой красивой девушкой в студгородке, лишь усугубляло положение. Ленор же только приговаривала:

– Ох, Сьюки, ну почему ты не можешь походить на Дену? Эта девушка выбьется в люди.

И, в точности как Ленор предсказывала, Дена ушла из колледжа до окончания и стала одной из первых новостных телеведущих, а Сьюки тем временем вымучивала проходные баллы.

На последнем курсе ЮМУ она приехала домой на Рождество больная в хлам и с нервами в клочья. Через две недели, когда она сообщила родителям, что собирается замуж за Эрла Пула-мл. из Селмы, Ленор устроила феноменальную истерику.

Пулы – милейшая семья. Отец Эрла был врачом. Но, к несчастью, все мужчины Пулы были слегка лопоухи.

– Если тебе плевать на меня, подумай хотя бы о своем будущем, – рыдала Ленор, размахивая носовым платком. – Такие уши у мальчишки, может, и не беда, но, господи царю небесный, Сьюки, подумай, каково будет с такими ушами девочке!

Их же не спрячешь. Я всю жизнь ждала, чтобы нарядить внучек и усадить их позировать художнику, и что-то, а пуловские уши на этой картине я видеть не желаю! – Всхлипывая, Ленор бросилась на диван. – Не понимаю я тебя. У тебя такая родословная, ты могла бы заполучить кого пожелаешь. Я душу продала, чтоб ты оказалась в «Каппе» и общалась исключительно с лучшими мальчиками из благороднейших семейств, и это мне твоя благодарность? Замуж за Эрла Пула-младшего? За ушастого студента-стоматолога? С которым ты в школу ходила? О, зачем мы с отцом потратили столько денег на твой колледж, чтобы вывести тебя в свет? Сколько связей задействовано впустую – думать невыносимо. Хоть снимай саблю прадеда Симмонза со стены да бросайся на нее.

Вот тут-то Сьюки обычно и сдавалась, но теперь, – быть может, из-за болезни и высокой температуры – впервые в жизни не отступила.

– Знаю, мама, ты не желаешь этого слышать, но я не могла выйти замуж за кого хочу. Думаешь, я не пыталась найти кого-нибудь такого, кто придется тебе по нраву? Да я встречалась с каждым, кто меня звал на свиданье. По шесть штук на дню. Ты представляешь, каково это – быть задорной шесть раз в день? Я не такая красавица, как ты, мама. И мальчики не сходят от меня с ума, как сходили от тебя. Я так больше не могу. Эрл любит меня такой, какая я есть, и, да, мы оба не подарок. Он ушастый, а я ни умная, ни красивая, и, если тебе это невыносимо, я схожу за саблей, и делай с ней что хочешь. А я пойду замуж за Эрла Пула-младшего.

Ленор так ошеломил внезапный отпор дочери, что она оторопело воззрилась на Сьюки. А затем села и сказала:

– Что ж, вижу, ты с каждым днем все более походишь на своего отца. – Здесь она обиженно шмыгнула носом. – Это упрямство – точно не с моей стороны семьи. И раз ты отказываешься внимать голосу разума, я ничего поделать не могу, но вот родишь Хауди-Дуди[15 - Howdy Doody — «Привет, как дела» (амер. англ., искам, от «How do you do?»), персонаж детской телепрограммы канала Эн-би-си (первая трансляция в 1947 году), деревянная кукла-марионетка с нелепыми оттопыренными ушами.] – не говори потом, что я тебя не предупреждала.

Сьюки вышла замуж за Эрла, но на том дело не кончилось. Когда родилась ее первая дочка, Ди Ди, а Сьюки везли в палату, она услышала, как Ленор, стоя у окна родильного отделения, надрываясь, вопит на весь коридор:

– О боже мой, Олтон, у нее уши Пулов! Я знала! Я так и знала!

К несчастью, Пулы, сидевшие в приемном покое за углом, тоже это слышали. После этого семейные сборища никогда не бывали приятными.

Когда Сьюки сообщила матери, что вновь беременна, Ленор откликнулась менее чем восторженно.

– О нет, – вздохнула она. – Что ж, остается надеяться и молиться, что это мальчик.

Через восемь месяцев Сьюки везли по коридору, вымотанную и квелую после рождения не одной, а сразу двух девочек, Ленор шагала рядом с каталкой и нашептывала:

– Мама не хочет, чтобы ты переживала. Я все устроила, моя приятельница Пёрл Джефф знает лучшего пластического хирурга в Новом Орлеане. Говорит, это очень простая процедура, а сравнивать будет не с чем.

Господи... если б Эрл не вмешался, Сьюки, быть может, позволила Ленор сдать детей пластическому хирургу!

А Эрл любил Сьюки все их школьные годы, и они даже недолго встречались в старших классах, но он знал, что планы у Ленор на будущее дочери куда масштабнее его персоны. И потому, когда Сьюки уехала в ЮМХ он, в общем, махнул рукой.

Но в то Рождество 1966 года, услышав, что она приехала на каникулы и болеет дома, он собрал всю отвагу в кулак и пришел повидаться. Ленор отперла ему и неохотно впустила:

– Только ненадолго, Эрл, ей надо отдыхать.

– Хорошо, мэм.

Сьюки, обложенная подушками, дремала весь день, но вдруг услышала стук в дверь. Через секунду она увидела Эрла Пула-мл. в синем костюме, с букетом цветов и коробкой конфет.

- Привет, Сьюки. Я узнал, что ты дома, и вот зашел поздороваться.

В тот же миг Сьюки вдруг расплакалась. Он был такой нелепый в этом своем галстуке-бабочке и с дурацкой прической. Он всегда ей нравился, но влюбилась она в него именно тогда.

Пойнт-Клиэр, Алабама

Пятница, 10 июня 2005 года

Наутро зазвонил телефон. Сьюки тем временем кормила Ку-ку и от этого звонка чуть из кожи не выпрыгнула. Проверила, не Ленор ли. Если мать, она не будет снимать трубку, однако высветился номер Си Си – та звонила из свадебного путешествия, которое они проводили в Кэллэуэй-Гарденз, Пайн-Маунтин, Джорджия.

- Привет, милая, – поздоровалась Сьюки со всем доступным ей жизнелюбием.

- Привет, мам, ты как?

- Все в порядке, милая.

- Я звоню сказать, что добрались мы отлично и нам тут все нравится. Как папа?

- Прекрасно.

- Ку-ку тебе не докучает?

- Вовсе нет. Она тут, рядом, милая, завтракает, и нам отлично.

– Ну здорово. Ладно, люблю тебя. Папе привет.

– Хорошо, дорогая. И мы тебя любим. Развлекайтесь, увидимся, когда вернетесь.

Повесив трубку, она осознала, что рано или поздно придется рассказать детям, что их бабушка – не очень-то им бабушка. Но, ясное дело, такие вещи человеку в медовый месяц не сообщают.

Во второй половине дня, прихватив бинокль, она забралась на второй этаж и дождалась, когда Ленор докатит чайную тележку до конца пирса – у них с подругами из клуба «Закат» имела традиция чаевничать в пять часов пополудни. Тогда Сьюки позвонила Энджел и сообщила, что ее свалил ужасный грипп и врач сказал, что он страшно заразный, а для пожилых людей и вовсе смертельно опасен, и порекомендовал не менее двух недель и близко к матери не подходить. Врать Энджел ужасно не хотелось, однако Сьюки было совершенно плевать, встретятся ли, потолкуют ли они с Ленор в этой жизни еще хоть раз или нет.

Вид Ленор расстраивал ее даже издали. Сьюки желала лишь одного – спуститься, достать бутылку водки и всю ее выпить. Она поразмышляла над этим замыслом: искушение было велико, но велик и страх совершенно слететь с катушек и публично опозорить мужа и детей. Увы, в сложных обстоятельствах Сьюки всегда шла вразнос и делала глупости. При первом выходе в свет она так нервничала и столько выпила, что на торжественном ужине принялась метать ложкой мороженое через стол и угодила одной доброй подруге матери в затылок. В тот же вечер наступила на оливку, проехала по всему танцполу и оказалась под чьим-то столом.

Да и не только с алкоголем такое бывало. В колледже она так огорчилась, когда кто-то из мальчишек не позвал ее на большую вечеринку братства, что съела два десятка пончиков «Хрумкий Крем», которые стянула из кладовки сестринства. Ее соседка вернулась со свиданья и обнаружила Сьюки на кровати в отключке – с недоеденным пончиком в волосах.

Сверх того ей вечно везло на всякие неприятности. В день своей свадьбы, шагая в церкви по проходу, она умудрилась запутаться в фате и упасть; а из всех ее знакомых только ей удалось сломать ногу, упав с неподвижной карусели. С чего Ленор решила, что Сьюки может стать балериной, оставалось для нее загадкой.

Сьюки сидела на кровати, гладила Ку-ку – и тут ее озарило. Все эти годы она ела себя поедом, а может, она тут вовсе и не виновата! Кто знает, вдруг поляки – плохие танцоры.

Эрл поразился новостям почти как и Сьюки, но на следующий день, по дороге на работу, вдруг вспомнил разговор, случившийся у него с тестем. И теперь, задним числом, он думал, не пытался ли мистер Крэкенберри околично сообщить ему, что Сьюки – удочеренная.

В тот вечер Эрл и его будущий тесть удрали с грандиозной помолвочной вечеринки, устроенной в честь Эрла и Сьюки в загородном клубе, и вышли на заднее крыльцо с видом на поле для гольфа – покурить.

Они слушали сверчков, и тут мистер Крэкенберри, высокий осанистый человек, пожалел юношу. Он видел, что Эрл до смерти боится Ленор, но, надо отдать ему должное, будущий зять выдержал даже устроенную Ленор истерику и ее пристальные взгляды на его уши.

После долгого молчания мистер Крэкенберри откашлялся и сказал:

– Эрл.

– Да, сэр?

– Вы со Сьюки собираетесь сделать большой и важный шаг. Однако прежде, чем это случится, мне надо сказать тебе о ней кое-что. Ты должен это знать.

– О Сьюки?

– Да... и это может изменить твои к ней чувства.

Эрл глубоко вздохнул и взглянул на него:

– При всем уважении, сэр, я знаю, что не нравлюсь матери Сьюки, но что бы вы ни сказали о вашей дочери, я не переменю своего решения. Я люблю ее и

намерен на ней жениться.

- Рад слышать, сынок... но... как бы это сказать? Помнишь старое присловье: «Хочешь знать, какой будет твоя жена через двадцать лет, глянь на ее мать»?

- Да, сэр. Слышал такое... и все равно люблю ее. Ой – без обид, сэр.

- Никаких обид. И, я так понимаю, ты осведомлен, что у моей жены брат и сестра в «Милом холме»? И вообще семейную историю знаешь?

- Да, сэр. Сьюки рассказывала.

- А... но потому, естественно, ты, наверное, – закономерно – беспокоишься за Сьюки и за ваших общих детей. Но на твоём месте... я бы не тревожился.

- Я и не тревожусь. А что?

- Ты мне доверяешь, сынок?

- Да, сэр.

- Можешь мне дать слово джентльмена, что этот разговор никогда и никому не перескажешь – особенно матери Сьюки?

- Да, сэр.

- Что ж... не спрашивай, откуда я это знаю, но даю тебе слово. Сьюки – совсем не как ее мать, да и не как Симмонзы вообще. Понимаешь?

- Да, сэр. Кажется. О... ух ты... что ж, пронесло.

- Да, я так и думал.

- Не обижайтесь, сэр.

Он рассмеялся:

– И опять никаких обид. Я отдаю себе отчет – Ленор иногда может казаться странноватой, но говорю тебе, сынок... по мне, так она все та же прекраснейшая девушка на свете. У меня в жизни, с тех пор как я ее встретил, не было ни единой скучной минуты.

В тот самый миг встревоженная Ленор, увитая шарфами, выскочила на крыльцо и позвала его:

– Олтон... ты где? Ах вот он. Ты мне нужен. У нас трагедия. Я только что уронила свое парадное кольцо в пунш. Надеюсь, никто его не проглотил. Это же прабабушкино! Скорей!

Мистер Крэкенберри глянул на Эрла и промолвил:

– Ну ты понимаешь? – И, закатывая рукава, пошел за Ленор в дом.

Как ни странно, однако после того разговора Эрл больше не переживал за Сьюки и даже не интересовался всерьез, откуда мистер Крэкенберри все это взял. Но теперь-то понял, что тесть пытался ему сказать.

В тот вечер Эрл приехал домой и рассказал Сьюки о разговоре, который произошел у них с ее отцом на помолвочной вечеринке.

Сьюки оторопела.

– Почему ты раньше не говорил?

– Ну, милая... по правде сказать... я просто забыл.

– Забыл? Эрл, ты вообще отдаешь себе отчет, сколько бессонных ночей я провела, раздумывая, что кончу свои дни в «Милом холме»?

– Нет.

- Правильно! Потому что я не хотела тебя волновать. И вот обнаруживаю, что ты и не волновался. Я даже написала тебе и детям прощальное письмо с указаниями, а ты мне говоришь: «Я забыл»?

- Ну, милая, я к тому же дал твоему отцу слово джентльмена, что никому не расскажу. И он не объяснил мне, почему ты – не как Ленор.

- Но почему папа никогда мне этого не говорил?

- Полагаю, считал, что тебе лучше не знать.

- Вот интересно, а Бак осведомлен, что я удочеренная? Интересно, он был в курсе все это время, но мне тоже не говорил...

- О, в этом я сомневаюсь, милая...

Сьюки все это потрясло еще больше. Чего еще она не знала? Чего еще ей никто никогда не говорил?

Все это было так странно – и бестолково. Бак явно происходил от Ленор, и все же Ленор всегда смотрела на него так, будто он с дерева слез. Брат носился по дому, а она восклицала:

- Что это за странное существо только что бегало у меня в гостиной с грязными ногами? Ясное дело, оно не может быть моим родственником!

Ленор всегда уделяла ей гораздо больше внимания, чем Баку. И Сьюки вечно было от этого неловко. Она даже спросила Бака, не злился ли он на нее, а Бак ответил:

- Шутишь? Да я счастлив, что у нее есть ты – что она помыкает тобой, а не мной.

Но зачем тогда Ленор так ее шпыняла? Потому что Сьюки девочка? Ленор неизменно говорила:

- Мужчины нужны постольку поскольку, а женщины – прирожденные вожди, и в обществе, и дома.

Или, может, Ленор пыталась сделать из нее то, чем сама не была? Неужели мать чуть не разрушила Сьюки жизнь только ради сохранения лица?

Сьюки понимала, что не должна сердиться на Эрла за его молчанку про разговор с отцом. Он тогда думал, что поступает правильно, и Сьюки видела, как он теперь сокрушается. Но все равно не понимала, что ей делать, – и надо ли делать что-либо вообще.

«Филлипс-66 Винка»

1937 год

Помимо собственно Винка Юрдабралински, шестифутового чаровника, заполнявшего бензобаки и мывшего стекла, была и еще одна причина, почему «Филлипс-66 Винка» не имела отбоя от клиенток. Чистые уборные! По этой части мамуля опережала национальные стандарты.

Поначалу всеми делами на автозаправочных станциях ведали мужчины, и потому туалеты содержались скверно. Умывальники и унитазы мыли редко, полы обычно бывали загажены. Одна дама, покидая автозаправку в Дир-Парк, штат Мичиган, воскликнула в ужасе:

– Там в грязи на полу можно сад вырастить!

Дамы редко считали эти «удобства» безопасными для здоровья и прибегали к ним лишь в крайнем случае.

Зато на «Филлипсе-66 Винка» мамуля всегда считала, что и мужские, и женские уборные должны содержаться в той же чистоте, что и у нее дома. Все четыре дочери по очереди следили за тем, чтобы на умывальнике всегда был свежий кусок белого мыла, чистое белое полотенце и чтобы каждого входящего ожидали сияющие раковины, унитазы и белый кафельный пол, только что отмытый с «Лизолом». На станции Винка ни один микроб не выжил бы. Весь день

кто-нибудь из девочек Юрдабралински бегала от колонки к дому и назад с ведром, щеткой и полотенцем подмышкой. Естественно, они препирались между собой, чей черед мыть, но дело делалось – всегда. Винку, папуле и другим механикам пользоваться гостевыми уборными никогда не позволяли.

– Не желаю я, чтоб вы своими руками в тавоте все залапали, – говаривала мамуля.

Все больше женщин и девушек садилось за руль – топливные компании наконец это поняли и принялись соперничать друг с другом за привлечение женской клиентуры. Знаменитая медсестра и известный на всю страну лектор Матилда Пэссмор сказала: «Нет лучшего способа заманить их на заправки, чем предоставить чистую уборную». «Тексако» организовала Белый патруль и содержала для него целый парк «шевроле» – на этих машинах разъезжали специально обученные инспекторы по чистоте и высматривали в каждом углу грязь. Владельцы автозаправок «Тексако» надеялись успешно пройти проверку и выиграть звание «Белый крест чистоты», что позволяло им добавить к вывеске надпись «Лицензированные уборные». Вскоре еще одна компания принялась отправлять с проверкой группу под названием «Патруль сверкания». «Филлипс Петролеум» тоже решила не дать себя обскакать и объявила свою кампанию за чистоту, наняв команду привлекательных молодых медсестер – «Хозяек трасс», облаченных в светло-голубые форменные платья, белые туфли и чулки, а также щегольские кепки полувоенного фасона. Руководители «Филлипс» рассчитывали, что «хозяйки трасс» поддержат лояльность клиентов компании своими «изысканными манерами, приятной наружностью и желанием помочь в беде». Девушки также объясняли водителям дорогу, советовали рестораны и гостиницы и находили время проконсультировать путешествующих матерей о гигиене новорожденных.

«Хозяйки» начали свое странствие по магистралям и проселкам в массивных бежевых седанах с темно-зелеными крыльями и логотипом «Филлипс-бб» на двери. Им полагалось удостоверяться, что каждая уборная на заправке «Филлипс-бб» соответствует стандартам «Аттестованной уборной». Увы хозяевам автозаправок: девушки заявлялись как снег на голову, и никто не знал, когда они могут прибыть, – еще один повод, «чтоб чисто было» все время.

Винк увидел его первым. Громадный бежевый седан с темно-зелеными крыльями так тихо закатывался на станцию, что мог сойти за акулу. Винк почуял, как

волосы у него на загривке встают дыбом. Он сморгнул – убедиться, что ему не померещилось, но нет, все взаправду, и выглядел автомобиль в точности как на фотографии из журнала «Филлипс-66». Винк приблизился и спросил:

– Я могу вам помочь, мисс?

Женщина с длинным острым носом отозвалась:

– Да, молодой человек, я желаю говорить с владельцем станции. Сообщите, что уполномоченная медсестра Дороти Фрэйкс прибыла с инспекцией уборных.

– Хорошо, мэм, – ответил он и помчался на зады станции за папулей.

Выглянув в окно на втором этаже, Гертруд Мэй тоже увидела, что происходит.

– Ох ты ж, – сказала она и рванула вниз за сестрой-близняшкой Тулой Джун и за мамулей.

Когда мамуля высунулась из кухонного окна, женщина уже вышла из машины и папуля с ней беседовал. Мамуля никогда прежде не волновалась, но, увидев, насколько та женщина официально держится – форменное платье, планшет подмышкой, – вдруг запаниковала.

– О милая благословенная Матерь Божья, – сказала она. – Чья очередь мыть была последняя?

– Фрици, – ответила младшая, Софи Мари, и Фрици готова была ее за это убить.

– Ох, ну нет! – Теперь мамуля испугалась не на шутку. Фрици мыла из рук вон плохо. Мамуля схватила ее за плечи: – Фрици, посмотри на меня. Про мыло не забыла?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/fenni-flegg/na-benzokolonke-tolko-devushki/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Одна из «организаций греческих букв» – североамериканских студенческих союзов. – Здесь и далее примеч. перев.

2

Групповой танец, хорошо известный в англоязычных странах.

3

Ежегодный новогодний парад в Пасадине, Калифорния, проводится с 1890 года.

4

Презрительное именование южанами переехавших на Юг северян в период с 1865 по 1877 год.

5

В Мобиле, Алабама, существует группа «Девушки Аллеи Азалий» – пятьдесят старшеклассниц, ежегодно выбираемых «официальными представительницами» города; облаченные в наряды времен до Гражданской войны, девушки присутствуют на официальных городских торжествах и встречают иногородних и иностранных почетных гостей Мобила.

6

Милосердный и покровительствующий Орден Лосей – престижное братство и клуб американских бизнесменов с филиалами в разных городах США; основан в 1868 году в Нью-Йорке.

7

Дейл Эванз (1912–2001) – американская актриса, певица, автор песен. – Здесь и далее написание всех имен и фамилий приведено в соответствии с произносительной нормой современного английского языка.

8

Барбара Пирс Буш (р. 1925) – жена 41-го президента США Джорджа Х. У Буша (Буша-старшего).

9

Американская компания директ-маркетинга, торгующая сувенирной продукцией, подпиской на журналы, а также проводящая лотерейные розыгрыши; основана в 1953 году

10

Американский научно-фантастический сериал Роба Сёрлинга о паранормальных явлениях на телеканале Си-би-эс, транслировался с 1959 по 1964 год.

11

Героиня одноименного американского комикса Хэролда Грэя; первая публикация состоялась в «Нью-Йорк тайме» в 1924 году

12

Американский холдинг, производящий жидкое топливо и нефтехимические продукты, основан в 1917 году

13

Объединенные Дочери Конфедерации – национальная организация в США, состоящая из женщин – потомков военнослужащих армии Юга; основана в 1894 году.

14

Неделя приема студентов-первокурсников в «общества греческих букв»; насыщена событиями и мероприятиями, призванными познакомить новоприбывших друг с другом и со старшими членами организации.

15

Howdy Doody — «Привет, как дела» (амер. англ., искаж. от «How do you do?»), персонаж детской телепрограммы канала Эн-би-си (первая трансляция в 1947 году), деревянная кукла-марионетка с нелепыми оттопыренными ушами.

Купить: <https://tellnovel.me/ru/fenni-flegg/na-benzokolonke-tolko-devushki-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)